

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2011 № 4

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол «Справедливость в городском пространстве» ... 3

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Косенкова Ю. А. Распад и интеграция советского города
в представлениях архитекторов 1950-х – начала 1960-х гг. ... 5

Обирин А. И. Генезис городского пространства и процессы
сегрегации на примере г. Хабаровска ... 15

Наберушкина Э. К. Блазированность городского пространства ... 22

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Мирошникова О. В., Щекин Г. Ю., Рева И. Е. Толерантность
в социальном пространстве города ... 29

Ушакова И. А., Мандриков В. Б., Михальченко Д. В. Иностранцы
студенты в городе ... 36

Черникова Ю. А. Дистанционное образование как институциональная
форма непрерывного профессионального образования городского
населения ... 42

Доника А. Д., Мажаренко В. А., Чахоян А. О. Формирование
мотивации к сохранению здоровья социальной группы студентов
в крупном промышленном городе ... 49

ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Старовойтов Д. Б. Перспективы развития социального
предпринимательства в Российской Федерации ... 54

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГОРОД И ЭКОЛОГИЯ

Воробьев А. А., Мяконький Р. В. Бродячие животные — актуальная
проблема крупного города ... 61

АВТОРАМ

*Условия приема статей в редакцию и требования к авторским
оригиналам ... 66*

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**,

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренников,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2011

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

Round Table "Fair play in urban space" ... 3

ARCHITECTURAL SPACE OF MODERN CITY

Kosenkova Yu. L. Collapse and integration of soviet city in conceptions
of architects in 1950s and early 1960s ... **5**

Obirin A. I. Genesis of urban space and processes of segregation on example
of Khabarovsk ... **15**

Naberushkina E. K. Satiety of urban space ... **22**

MAN IS IN CONTEMPORARY CITY

Miroshnikova O. V., Shchekin G. Yu., Reva I. E. Tolerance of city social space ... **29**

Ushakova I. A., Mandrikov V. B., Mikhailchenko D. V. Foreign students in city ... **36**

Chemikova Yu. A. Distance education as an institutional form of lifelong
education of urban population ... **42**

Donika A. D., Mazharenko V. A., Chakhoyan A. O. Formation of motivation
on preservation of health of social group of students in big industrial town ... **49**

TOWN AS ECONOMIC SYSTEM

Starovolotov D. B. Development prospects of social entrepreneurship
in Russian Federation ... **54**

TECHNOSPHERE OF NEW TOWN: CITY AND ECOLOGY

Vorobev A. A., Myakonki R. V. Stray animals – topical issues big cities ... **61**

INFORMATION FOR AUTHORS

**Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 66**

Внимание авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2011 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Редакционная коллегия журнала «Социология города» приглашает авторов и читателей журнала принять участие в работе круглого стола «Справедливость в городском пространстве».

Проблема справедливости играет важную роль в жизни горожан. Принцип справедливости, являясь мерой должного для каждого человека, а также группы людей и общества в целом, нормирует распределение социальных благ и тягот, является нормой, которую используют для решения споров и конфликтных ситуаций в жизненном пространстве современных городов. Под ее «юрисдикцию» и оценку попадают проблемы работы и отдыха, власти и денег, собственности, религии, наград и наказаний, безопасности и благосостояния и т.д.

Для современного города это особенно значимо и актуально, ибо сегодня город, воплощая в себе все совершенное, что создано человеком, в то же время является центром нищеты, запущенности, острых политических конфликтов.

Жизнь современного горожанина часто полна несправедливости, насилия, незащищенности, социального и экономического неравенства в доступе к различным социальным благам, и это рождает острые социальные конфликты.

На Западе обострение социальных конфликтов вызвало с недавнего времени интерес к этой проблеме, что выразилось в появлении публикаций, которые можно объединить общей темой «Справедливый город». К их числу относятся работы Дэвида Харви (*Social Justice and the City*, 1973), Ирис Марион Янг (*Justice and the Politics of Difference*, 1990), эссе Анри Лефевра о «праве для города» (*Writings on Cities*, 1996) и развитие этой идеи в книге Дона Митчелла (*The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*, 2003). Эти и другие работы, в которых анализируется городская справедливость, так или иначе отвечают на кардинальные вопросы, поставленные С. Файнштейн (*Fainstein S. The Just City. Ithaca & London : Cornell University Press*, 2010) перед урбанистикой:

при каких условиях люди могут улучшить город для всех горожан?

почему мы надеемся, что именно эти результаты действительно будут лучше?

какой облик имеет справедливый город?

можем ли мы регулировать городское пространство таким образом, чтобы это согласовывалось с требованиями справедливости?

Если в западной литературе это является предметом оживленных дискуссий, то в отечественной науке исследований на эту тему очень мало. Учитывая социальную значимость указанных проблем, мы предлагаем вынести их для обсуждения участниками круглого стола и определить в качестве предмета дискуссии следующие темы:

1. Политическая справедливость.

Городские власти и вопросы справедливого управления. Положение справедливости в программах и деятельности политических партий. Выборы: принципы честности, справедливости, легитимности.

2. Справедливость: природа и география различий.

Откуда проистекают различия в жизни горожан? Что становится основой таких различий (социальные, экономические, экологические и другие признаки)? Разрешение возникающих конфликтных ситуаций.

3. Принципы справедливости и конструирование городского пространства.

Проблема организации городского пространства. Доступность социальных благ. Транспортная доступность мест проживания и работы. Жизнь наименее обеспеченных групп горожан и проблема городских окраин.

4. Теоретические и методологические основания исследования городской справедливости. Соотношение свободы и справедливости, справедливость как ценность и норма жизни горожан. Кто должен заявлять о несправедливостях? Городские блага: по каким критериям необходимо оценивать права индивидов на городские блага?

Материалы круглого стола планируется опубликовать в отдельном номере журнала «Социология города». Дата проведения круглого стола: 23—24 апреля 2012 г.

Вопросы по поводу участия, требованиям к публикации можно задать по тел.: 8 (8442) 96-99-25 и электронной почте: evgenkar@yandex.ru

УДК 711.4.01

Ю. Л. Косенкова

**РАСПАД И ИНТЕГРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ГОРОДА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
АРХИТЕКТОРОВ 1950-х –
НАЧАЛА 1960-х гг.***

Освещается период советского градостроительства, связанный с начальным этапом перехода на индустриальные методы строительства. Рассматриваются негативные последствия этого процесса для городов страны, кардинальные изменения в профессиональном понимании целостности городского организма.

Ключевые слова:
планировка и застройка городов,
история архитектуры
и градостроительства
советской эпохи,
теория градостроительства,
урбанизация.

Yu. L. Kosenkova

**COLLAPSE AND INTEGRATION
OF SOVIET CITY
IN CONCEPTIONS OF ARCHITECTS
IN 1950s AND EARLY 1960s**

The period of the Soviet town-planning associated with the initial stage of transition to industrial methods of buildings received. The negative consequences of this process for cities of the country and the cardinal changes in professional understanding of integrity of a city organism are described.

Key words:
planning and building of cities,
history of architecture and town
building of Soviet era,
theory of town planning,
urbanization.

Метафора «целостный организм города» была одним из важных смысловых элементов градостроительной концепции, которая осуществлялась в советском градостроительстве в конце 1930-х — начале 1950-х гг. Этот емкий образ содержал в себе целую программу формирования городского пространства, которое выстраивалось как единый художественный ансамбль. Вместе с тем, это понятие отнюдь не было тождественно целостному пониманию города как сверхсложной, многоуровневой системы. Речь шла о целостности города как законченного произведения искусства, которая создавалась вопреки множеству факторов, действовавших при реальном развитии городов, и постоянно ими разрушалась.

Попытка обсуждать представления архитекторов о целостности города применительно к десятилетию после Всесоюзного совещания по строительству 1954 г. на первый взгляд выглядит довольно странно. Именно в эти годы, казалось бы, все принципы и подходы, определявшие проектирование городов в послевоенное десятилетие, поменялись на противоположные, а сам город распался на отдельные «территории», на которых велась застройка микрорайонов.

Но, с нашей точки зрения, важно понимать, что такие очевидные инверсии на самом деле носили достаточно поверхностный характер, глубинное же ощущение природы города практически не изменилось. Императивное начало, которое скрыто присутствовало в таких понятиях послевоенной градостроительной концепции, как «целостный организм города», «город как единый ансамбль», в 1950-е гг. отнюдь не стало объектом критического осмысления. Неутешительные, по оценкам самих современников, итоги послевоенного восстановления и реконструкции городов, явное расхождение желаемого и действительного не стали, да и не могли стать поводом для глубокой рефлексии профессионального сознания, коренного пересмотра методологии проектирования и строительства городов, включения ее в широкий контекст гуманитарных ценностей.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ «Советский город 1950-х — начала 1980-х гг.: в поисках новых концепций». Проект № 11-04-00013а.

В ходе так называемой «перестройки творческой направленности советской архитектуры» город по-прежнему, с одной стороны, оставался объектом манипулирования, а, с другой стороны, формировался под воздействием разнообразных факторов, существовавших как бы вне границ профессионального внимания и подчас сводивших не на усилие по формированию пригодного для полноценной жизни города. Например, считалось, как и раньше, что в советском городе все направлено только на благо трудящихся и совершенно не принималось во внимание, что у военно-промышленного комплекса могут быть свои собственные интересы. Это означало, в свою очередь, что недовольство результатами градостроительной деятельности в новых условиях также даст о себе знать достаточно быстро, и маятник вновь качнется в противоположную сторону, причем «целостность организма города», хотя и понимаемая несколько по-иному, вновь станет одной из главных целей градоформирования.

Именно такое положение отчетливо наблюдалось в советском градостроительстве рубежа 1960-х — 1970-х гг. Но в данной статье поставлена более узкая задача: попытаться уловить момент, когда фактический распад города, существовавший в архитектурно-строительной практике, начал осознаваться не как правильное направление его развития, а как негативное явление, с которым нужно бороться. Первые, весьма разрозненные попытки вновь осознать город как целое, а также соображения по поводу той основы, на которой это целое можно выстроить, приходится на более ранний срок — рубеж 1950-х и 1960-х гг.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих первых попыток создать новую целостность города, необходимо дать характеристику тому весьма непростому состоянию профессионального сознания, которое было характерно для 1950-х гг. Здесь нужно отметить несколько позиций.

1. *Оценка архитекторами своей деятельности в предыдущее десятилетие, подведение итогов восстановительного периода.* Большинство оценочных суждений начала 1950-х гг. относительно послевоенной градостроительной

Об авторе:

Косенкова Юлия Леонидовна —
доктор архитектуры, доцент, замести-
тель директора НИИ теории
и истории архитектуры
и градостроительства (НИИТИАГ
РААСН),
(495)965-04-30
jkosenkova@yandex.ru

Kosenkova Yuliya Leonidovna —
Doctor of Architecture,
Associate Professor,
deputy director of RDE theory
and history of architecture
and urban planning

практики имело негативный, но вместе с тем чисто эмоциональный характер. Вопрос о причинах тех или иных неудач возникал крайне редко и чаще всего причиной признавалось субъективно неправильное понимание проблемы теми или иными архитекторами, их неумение «использовать те преимущества, которые дает советский социалистический строй, плановая социалистическая экономика».

Критические «стрелы» все время как бы проскальзывали мимо цели, поражая (в том случае, если эти высказывания вообще претендовали на какой-либо уровень обобщения) второстепенные факторы архитектурно-градостроительной практики. Так, часто критики обрушивались на симметрию как прием архитектурной композиции. Она воспринималась как основная помеха свободного функционального развития жилых кварталов, как признак академической отвлеченности от реальности.

Проблема переводилась в плоскость градостроительной дисциплины или еще дальше, в сферу профессиональной этики, реализуясь в статьях и выступлениях тех лет как прямой призыв стереть свою творческую индивидуальность, не стараться при проектировании ансамблей «перекричать соседа».

Невозможные в предыдущие годы слова «творческая скромность», произнесенные теоретиком архитектуры М. И. Рзяниным на дискуссии по архитектурным итогам 1950 г., были охотно подхвачены, и тема эта развивалась в различных выступлениях еще 3—4 года. В такой субъективизации проблемы нашла отражение изначальная невозможность полноценной профессиональной самооценки и адекватного осмысления ситуации.

При этом негативный характер оценок, даваемых множеству отдельных явлений градостроительной практики, уживался в это время с официозно-оптимистической тональностью, когда речь заходила о советском градостроительстве в целом.

2. Попытки применения старых способов формирования целостности города в новой градостроительной ситуации. Уже в начале 1950-х гг. архитекторы столкнулись с новыми градостроительными реалиями: неудержимым расползанием городской территории вследствие непродуманных, беспорядочных инвестиций в строительство и потворства ведомственным интересам военно-промышленного комплекса со стороны государства, хаотичным размещением предприятий и жилых кварталов, проблемами нехватки ресурсов для застройки центральных улиц и площадей — финансы и строительные базы были практически полностью в руках разнообразных ведомств.

Та территория, которая в первые послевоенные годы трактовалась как целостный компактный город, теперь превращалась в площадку, занимающую 10—15 % общей территории города. Необходимо было найти средства, с помощью которых могла бы осуществиться своеобразная экспансия художественных качеств центра на окраины, распространение понятия «целостности города», по возможности, на всю его территорию. Иллюзию того, что это возможно сделать просто с помощью визуальной «эстафеты ансамблей», поддерживало строительство высотных зданий в Москве.

Высотная архитектура зданий трактовалась как единственно отвечающая условиям восприятия с далеких расстояний при полном сохранении эмоционального воздействия. Город, разваливающийся в функциональном отношении, все еще продолжали пытаться собрать в единое целое композиционными средствами.

И все же архитектурной мысли первой половины 1950-х гг., то и дело попадавшей в ловушки собственных «идеологически выдержанных» формулировок, пришлось признать де-факто свое методологическое бессилие в синтезировании целостности города. Но осознание и признание чрезвычайной интеллектуальной сложности проблем развития города было все же не в духе времени. Рефлексия профессионального сознания в этот момент ограничивалась лишь констатацией неразработанности вопросов ансамбля архитектурной теорией.

С одной стороны — фрагментарное знание и осмысление города, в том числе и вследствие ведомственной «закрытости» многих его фрагментов, с другой — ощущение достигнутого предела человеческих возможностей при проектировании гигантских ансамблей — таковы две составляющие профессионального сознания в первой половине 1950-х гг.

3. *Подмена содержания основных понятий послевоенной градостроительной концепции.* Первая половина 1950-х гг. была для советской архитектуры временем, когда необходимость перехода к тотальному типовому проектированию и индустриальному строительству встала перед страной в полный рост. Архитекторы 1940-х гг., понимая неизбежность перехода на типовое проектирование, все же, когда речь заходила о городе в целом, относились к типовому проектированию скорее как к негативному фактору: типовое строительство, во всяком случае, нельзя было допускать на ответственные участки города.

Постепенно художественная целостность ансамбля, города в целом, ранее отождествляемая с единством сложного композиционного замысла, начинает ассоциироваться с одинаковой повторяемостью изделий строительного конвейера. В 1950-е гг. чем далее, тем более категоричными и однозначными становились формулировки: «Внедрение типизации вносит новое в методологию создания ансамблей; повторяемость становится важнейшим фактором художественной целостности сооружений; индустриальные методы не снижают, а повышают роль искусства в строительстве, прежде всего искусства композиции ансамблей; идеи типизации должны быть прежде всего заложены в ансамблях» [1].

Вместе с тем реально действовавший жесткий набор типовых проектов вызывал явное недовольство проектировщиков на местах практически во всех городах страны. Но к середине 1950-х гг. подобное «брожение умов» стало расцениваться как абсолютно нравственно неприемлемая позиция, едва ли не преступление против профессиональной этики.

Теперь не система концептуальных представлений о городе, оказавшаяся в послевоенный период несостоятельной, формировала методы застройки, а наоборот, технические средства строительства приобрели несравненно большую значимость, нежели осмысленная с гуманитарных позиций цель градоформирования.

Всесоюзное совещание строителей 1954 г. создало обстановку, в которой дальнейшее обсуждение проблем развития городов в терминах и понятиях концепции города-ансамбля стало уже невозможным. Новая градостроительная реальность как бы «сбросила хвост» устаревшей риторики. Вопрос о преобразовании всего города в единый, целостный как в функциональном, так и в художественном отношении организм в этот момент был снят с повестки дня.

Все эти процессы, скорее деструктивные, нежели созидательные по отношению к городу, с одной стороны, привели к тому, что замкнутый круг, очерченный послевоенной градостроительной концепцией, был, наконец, разорван, а с другой, — к такому положению, когда определение новых задач градостроительства проходило разрозненно и фрагментарно, двигаясь в основном от противного, исходя из необходимости преодоления тех или иных отдельных недостатков градостроительной практики предыдущего этапа.

4. Актуализация застарелых проблем советского градостроительства.

Вследствие хаотичного реального развития городов вопросы размещения промышленности к середине 1950-х гг. вышли на первый план. Вновь стали активно обсуждаться вопросы запрещения строительства промышленных предприятий в крупнейших городах, создания городов-спутников, куда предлагалось перевести часть существующих промышленных предприятий. Эти проблемы теоретически разрабатывались в советском градостроительстве примерно с 1922 г., но практически ничего не реализовалось. По большому счету, в 1950-е гг. теорией не было предложено ничего нового. Но точно так же, как и в предыдущие десятилетия, в силу не изменившихся специфических особенностей функционирования советской экономики не было ни практических условий для реализации запретов на промышленное строительство, ни ответов на множество возникавших конкретных вопросов, связанных со строительством городов-спутников.

5. Парадоксальность принимаемых решений. В области жилища задача формулировалась как создание крупных благоустроенных жилых районов, что станет возможным благодаря изменению системы финансирования гражданского строительства — прекращению финансирования по ведомственным каналам и передаче всех средств и ресурсов в ведение горисполкомов. Казалось бы, создавалась ситуация, когда государству уже ничто не мешало осуществить те цели в градостроительстве, которые оно декларировало еще недавно: компактный, удобный для жизни город, созданный на единой художественной основе. Но город как единый художественный ансамбль, несущий определенную идейную нагрузку, больше не интересовал государство. Одна политически обусловленная, односторонне реализованная задача (создание города-памятника, города-ансамбля) сменилась другой. Пожалуй, самый яркий пример: в борьбе за ограничение роста городов было принято решение о строительстве крупных жилых районов на свободных территориях, нацеленное, по своей сути, на обратный результат.

Парадоксальным это решение было и по отношению к тем проблемам, которые накопились в отношении застройки центров городов. В послевоенное десятилетие концентрация ведомственных финансов для застройки центральных районов была очень сложной проблемой. Теперь, когда все ресурсы передавались в руки городских властей, средства на практике вновь оттягивались от центральных районов города. На смену строительству широко критикуемых в 1950-е гг. «улиц-ширм» послевоенного десятилетия пришло полное невнимание к застройке центральных районов.

Одной из первых попыток обратить профессиональный взгляд не на сиюминутные задачи градостроительства, выдвигавшиеся текущей политической и экономической ситуацией, а на правильность самого методологического подхода к городу можно считать оставшуюся в тот период мало заме-

ченной дискуссии 1957 г. на страницах журнала «Архитектура СССР». В ходе дискуссии, в которой приняли участие видные советские градостроители, было озвучено немало привычных идеологических клише, но здесь, с нашей точки зрения, впервые была обозначена потребность профессиональной архитектурной общественности в новой концепции города, высказан явный протест против понимания города как механического наращивания новых квадратных метров жилья.

Второй такой попыткой на рубеже 1950-х — 1960-х гг. можно считать работу над теорией «оптимального города». В 1959 г. Институтом экспериментального проектирования совместно с Институтом градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР было начато экспериментальное проектирование генеральных планов городов, развивавшихся на базе обрабатывающей и добывающей промышленности¹. Здесь в известной степени подхватывались основательно подзабытые идеи «соцгородов» начала 1930-х гг. с их конструированием социальной жизни.

В экспериментальных проектах «оптимальных городов» наряду с четким функциональным зонированием всего города предлагалось создание «комбинированных районов», в которых учитывались основные потребности населения и в особенности прорабатывалось рациональное расселение по отношению к местам приложения труда. Когда город достигнет оптимальных размеров примерно в 250 тыс. жителей, дальнейшее развитие промышленного узла должно было привести к созданию нового самостоятельного города, также состоящего из «комбинированных районов» [2].

Теория «оптимального города» изжила себя достаточно быстро, поскольку исходила из понимания города как некоего законченного образования с определенной конфигурацией и величиной, что уже мало соответствовало проявившимся к тому времени новым тенденциям в процессе урбанизации. Эта теория в основном оперировала внешними характеристиками процесса городского роста, не учитывавшими социальную и производственную эффективность большого города.

Всеобщее ожидание позитивных социальных перемен, характерное для разгара «оттепели», замороженность информацией об успехах научно-технического прогресса во всем мире не могли не породить желания заглянуть в будущее. Именно туда можно было легче всего экстраполировать представления о новом идеальном городе как целостном и гармонично развивающемся организме, свободном от принижающего влияния несовершенной градостроительной практики.

Конечно, здесь нельзя не назвать сразу получивший широкую известность коллективный дипломный проект группы студентов МАРХИ, которую объединил вокруг себя А. Э. Гутнов (1960 г.)². Работа называлась «НЭР» —

¹ Авторский коллектив: Н. Колли (рук.), В. Симбирцев, Ю. Бочаров, Б. Маркус, В. Нудельман, М. Иоффе, Л. Тажиева, Н. Фрезинская, Н. Попова, П. Владимиров, С. Борунов, Е. Губенко, И. Фаянс и др.

² В разработке этого проекта участвовали также А. Бабуров, Г. Дюментон, И. Лежава, С. Садовский, Г. Харитоновна, Н. Гладкова, А. Звездин, Н. Кострикин, Е. Суханова. По материалам коллективного проекта позднее была подготовлена книга «Новый элемент расселения. На пути к новому городу». М.: Стройиздат, 1966.

«новый элемент расселения», который трактовался авторами как проект идеального города коммунистического будущего.

Нет нужды подробно останавливаться на этом известном проекте, который, на наш взгляд, отличался от современных ему работ тем, что был ориентирован не на узко прагматичное и умозрительно сконструированное «удовлетворение материальных потребностей населения», но, прежде всего, на развитие духовной жизни, свободных форм общения людей.

Этот проект и по своему социальному содержанию, и по формам действительно был отнесен в далекое будущее, однако окружающим казалось, ничто не мешает осуществить его уже сегодня, стоит только «поставить» его на современную нормативно-конструктивную базу...

С этого проекта, фактически загубленного советами по его немедленной реализации, фактически началось разделение «реального» и «бумажного» проектирования, продолжавшееся около трех десятилетий.

Но было здесь, с нашей точки зрения, и нечто такое, что делало «новый элемент расселения» очень близким к специфическим особенностям советского градостроительства, которые проявлялись во все периоды его развития, — это желание распространить однажды найденное «идеальное» решение на территорию всей огромной, неоднородной и разнообразной по природным, социальным и экономическим условиям страны. Даже название — «новый элемент расселения» — говорит само за себя. И в этом смысле НЭР был вполне родственен не только «соцгородам» 1920—1930-х гг. или универсальным схемам построения градостроительных ансамблей в послевоенный период, но и параллельным ему во времени поискам «оптимального города» и даже предложениям по схемам коммунально-бытового обслуживания, которые стали буквально приметой времени.

На рубеже 1950-х — 1960-х гг. советское градостроительство вновь, как и в конце 1920-х, переживает увлечение идеей социальных преобразований посредством внедрения новых пространственно-планировочных структур.

Конструирование социальных аспектов будущего, подменявшее собой научное прогнозирование (при подавленном состоянии социологии и всего комплекса наук о человеке), поощрялось такими известными учеными, как экономист и статистик, лауреат Сталинской и Ленинской премий С. Г. Струмилин [3].

Архитектурно-пространственное воплощение системы коммунального обслуживания в жилом микрорайоне также охотно рассматривалось в эти годы как некая идеальная ячейка, из множественного воспроизводства которой вполне может составиться не только целостность города, но и всего расселения в стране.

Если всего несколько лет назад идея микрорайона отпугивала гипотетической возможностью создания «замкнутой соседской общины, преследующей свои интересы», то теперь подчеркивалось, что это росток коммунистического будущего.

Работа по организации жилого района, в частности Г. А. Градова, считалась, наряду с поисками «оптимального города», одним из ведущих направлений развития градостроительной мысли, полезным для построения общей концепции города коммунизма. В связи с этим подчеркивалось, что работа над микрорайоном концентрирует внимание на научном построении элементов, из которых в дальнейшем, как из клеток, может быть создана ткань всего города [4].

Единственным более или менее доведенным до конца экспериментом стал, как известно, Дом нового быта в 10-м квартале Новых Черемушек (рук. Н. А. Остерман). Задуманный как полноценный жилой комплекс, он смог функционировать лишь как студенческое общежитие.

Архитектурно-планировочное выражение идеи целостного «социального организма» жителей микрорайона также должно было стать целостным. Взаимопроникновение «индивидуальной» и «общественной» зон в пространственно-композиционной структуре комплекса понималось как художественная задача. Система культурно-бытового обслуживания, возведенная в ранг художественной основы города, пронизывающая собой всю его структуру, естественно, должна была и жить по законам искусства, требуя своей композиционно-смысловой кульминации, как и в послевоенный период, в городском центре.

Вопрос о реконструкции городов, в первую очередь заброшенных и ветшавших центральных районов, где амбициозные послевоенные проектные замыслы так и не были до конца воплощены, на рубеже 1950—1960-х гг. обрел новую силу.

Неудовлетворительный опыт реконструкции центров в послевоенный период заставлял теперь искать новые подходы. С 1961 по 1964 гг. прошла целая серия крупных конкурсов на планировку центров городов Владивостока, Целинограда, Мурманска, Архангельска, Перми, Ташкента, Вильнюса, Иванова, Ярославля, Ульяновска [5]. С проектированием центров теперь связывалась проблема разработки «социалистического архитектурного стиля», вопрос о котором поставил Хрущев еще на XX съезде партии. Одно из основных качеств, якобы присущих социалистическому архитектурному стилю — правдивость выражения конструктивной, функциональной основы — пытались применить к городу, перенося в центр приемы проектирования микрорайонов. А поскольку организовать микрорайон в согласии с действующими нормами в сложившейся исторической среде, как правило, не удавалось, то выход виделся в том, чтобы убрать из центров городов функции жилища. На общественные сооружения центра пытались перенести принципы группового размещения предприятий, их блокировки и функционального кооперирования на основе типовых проектов, разработанных к этому времени в промышленности.

Но нельзя не сказать, что на рубеже 1950—1960-х гг. существовал еще один взгляд на целостность города, точнее, как сказали бы мы теперь, городской среды. Этот взгляд, скорее поэтический, в духе «оттепели», чем озабоченно-государственный, предполагал наличие не «населения» с его искусственно сконструированными «потребностями», а человека, просто идущего по улице и воспринимающего то, что он видит на «ближнем плане».

Культура детали, «ближнего плана» стремительно исчезала в новых индустриальных жилых районах. Эту брешь как-то пытались заполнить художники и архитекторы, делавшие первые шаги в развитии городского дизайна. Журнал «Декоративное искусство СССР» писал: «И когда свершатся замыслы архитекторов и художников, мы, современники этого замечательного преобразования родной столицы, будем любить ее новостройки так же преданно и нежно, как любим Кремль, памятник Пушкину, Большой театр» [6].

«Общественный интерьер города» (выражение, точно найденное теоретиком архитектуры О. А. Швидковским), щедро украшенный, должен был компенсировать ощущение отчужденности, неизбежно возникавшее в новых индустриальных районах. Интерьер города призван был раскрыть перед человеком привлекательные и разнообразные условия для отдыха среди зелени, чтения на верандах читален-павильонов, встреч с друзьями в открытом летнем кафе [7].

Понимание «общественного» в городе как среды для беззаботного времяпровождения и отдыха, конечно, не могло долго удерживать позиции в советском градостроительстве. Печально известное посещение выставки московских художников Хрущевым (1962 г.) и его встреча с деятелями литературы и искусства (1963 г.) значительно изменили духовную атмосферу в стране. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС по вопросу «Об очередных задачах идеологической работы партии», где было сказано, что нельзя мириться с низким эстетическим качеством жилых массивов, серостью, монотонностью, безликостью их застройки. Необходимо повысить воспитательное воздействие советской архитектуры, и это одно из важнейших направлений борьбы на идеологическом фронте. Журнал «Архитектура СССР» писал в связи с этим: «Художник-кустарь не в состоянии понять требования индустриального домостроения и его новые закономерности, в том числе эстетические» [8]. Последствия такой постановки проблемы сказались позднее, в градостроительстве второй половины 1960-х гг., когда на архитектурные штампы накладывались штампы монументального искусства.

Итак, распад города как функционального и художественного целого, проявившийся в конце послевоенного восстановительного периода и продолжавшийся во второй половине 1950-х гг. оставлял архитекторам-градостроителям все более узкое поле для осуществления принципов и целей своей профессии. На рубеже 1950—1960-х гг. в начале разрозненные попытки найти выход из создавшейся ситуации. В следующем десятилетии архитектурно-градостроительные проблемы предметом широкого общественного обсуждения. Проблемы города впервые за много лет (после градостроительной дискуссии 1929—1930 гг.) взломали профессиональные рамки и вышли в междисциплинарное пространство, привлекая к себе пристальное внимание общественных наук, в частности, социологии.

Позднее, на рубеже 1960—1970-х гг., впервые в истории советского градостроительства была сделана попытка рассмотреть город как объект, не зависящий напрямую только от индустриализации, как объект многофункциональный и не имеющий жестких пространственных границ. Городская культура была признана самостоятельным феноменом, играющим важную роль в современном обществе. Начался долгий путь к созданию новой интегральной науки о городе, формирование которой происходит и по сей день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поляков Н. Проектирование архитектурных ансамблей Москвы // Архитектура и строительство Москвы. 1953. № 2. С. 5—15.
2. Бочаров Ю., Маркус Б., Симбирцев В. Опыт проектирования оптимального города // Архитектура СССР. 1960. № 12. С. 10—15.
3. Новый элемент расселения. На пути к новому городу. М. : Стройиздат, 1966.
4. Струмилин С. Рабочий быт и коммунизм // Новый мир. 1960. № 7. С. 214.

5. *Богданов Л. С.* Архитектурно-теоретическая концепция плана города в ее историческом развитии. М. : НИИ градостроительства и районной планировки, 1963.
 6. СА СССР. Материалы к отчету Правления СА СССР за 1961—1964 гг. М. : Стройиздат, 1965.
 7. *Швидковский О.* Художник и город // Декоративное искусство СССР. 1960. № 12. С. 19—22.
 8. Идеологические задачи советской архитектуры // Архитектура СССР. 1964. № 6. С. 1—2.
-
1. *Polyakov N.* Proektirovanie arkhitekturnykh ansamblei Moskvy // Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy. 1953. № 2. S. 5—15.
 2. *Bocharov Yu., Markus B., Simbirtsev V.* Opyt proektirovaniya optimalnogo goroda // Arkhitektura SSSR. 1960. № 12. S. 10—15.
 3. Novy element rasseleniya. Na puti k novomu gorodu. М. : Stroyizdat, 1966.
 4. *Strumilin S.* Rabochi byt i kommunizm // Novy mir. 1960. № 7. S. 214.
 5. *Bogdanov L. S.* Arkhitekturno-teoreticheskaya kontseptsia plana goroda v ee istoricheskom razvitii. М. : НИ градостроительства и районной планировки. 1963.
 6. СА СССР. Материалы к отчету Правления СА СССР за 1961—1964 гг. М. : Stroyizdat, 1965.
 7. *Shvidkovski O.* Hudozhnik i gorod // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1960. № 12. S. 19—22.
 8. Ideologicheskie zadachi sovetskoi arkhitektury // Arkhitektura SSSR. 1964. № 6. S. 1—2.

© Косенкова Ю. Л., 2011

*Поступила в редакцию
в сентябре 2011 г.*

УДК 316.351

А. И. Обирин

**ГЕНЕЗИС
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
И ПРОЦЕССЫ СЕГРЕГАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ г. ХАБАРОВСКА**

Статья посвящена проблеме генезиса городского пространства. Используя описание происхождения, возникновения, становления, развития города Хабаровска, проводится анализ процесса сегрегации города. Особое внимание уделяется исследованию прогноза протекания данных процессов и в целом перспектив развития федерального центра.

Ключевые слова:

городское пространство,
сегрегация,
территориальное планирование.

A. I. Obirin

**GENESIS OF URBAN SPACE
AND PROCESSES OF SEGREGATION
ON EXAMPLE OF KHABAROVSK**

The problem of the genesis of urban space is described. The analysis of city segregation is hold by using the description of origin, incurrence, formation and development of Khabarovsk. The special attention is paid to the research of prognosis of these behaviour processes and the perspectives of federal center development.

Key words:

urban space,
segregation,
territorial planning.

Об авторе:

Обирин Александр Иванович – аспирант кафедры социологии, политологии и регионоведения, Тихоокеанский государственный университет, lazoobirin@mail.ru

Obirin Alexandr Ivanovich – Post-graduate Student of sociology, politology and regional studies department, Pacific National University

Одной из основных проблем социологии города является определение смысла городского пространства, его специфики: что, собственно, делает некоторое поселение городом? Каковы специфические городские формы социального бытия, задаваемые особенностями организации пространства города. Эти вопросы мы и предполагаем рассмотреть на примере одного из крупнейших городов России — Хабаровска.

Обратимся к генезису города: почему и как возник город Хабаровск, как развивается его внутреннее пространство и в каком направлении идет его развитие, каково его место в развитии дальних рубежей России и, непосредственно, как столицы Дальнего Востока?

Что же задает специфику города как социально-пространственного феномена [1]? Города определяют социальный строй, уровень развития производительных сил, науки и культуры, природно-климатические условия и национальные особенности страны. Города охватывают сложный комплекс социально-политических, социально-экономических, строительно-технических, архитектурно-художественных, санитарно-гигиенических и других проблем. Общим для городов является большее или меньшее влияние на него частной собственности на землю и недвижимое имущество. Имущественное неравенство населения отражалось на приемах планировки, застройки и на благоустройстве городской территории, в более или менее выраженной сегрегации городского пространства. Районы города, населенные представителями господствующего класса, резко отличались и отличаются от переуплотненных, лишенных необходимого благоустройства районов сосредоточения трудового населения [2].

Город Хабаровск, как и ряд других «новых» городов Сибири и Дальнего Востока, обладает собственной спецификой. В структуре города можно выделить три относительно самостоятельных принципа социальной организации, которые на разных этапах его существования определяли его облик: имперский, советский и постсоветский. Взаимодействие указанных принципов порождает особенности формирования и функционирования городского пространства Хабаровска. Они и выступают объектом нашего исследовательского внимания.

Плавание Г. И. Невельского на военном транспорте «Байкал» в 1848—1849 гг. знаменует собой возобновление активных действий правительства России по определению на местности русско-китайской границы в районе реки Амур и других акваторий. Инициативные действия Г. И. Невельского привели к важнейшим географическим открытиям, которые обеспечивали русскому правительству возможность выработки правильного политического курса в отношении с Китаем. В 1858 г. были заложены Хабаровка, Софийск, Иннокентьевка, Корсаково, Казакевичево и другие опорные пункты. Уже в феврале 1860 г. Н. Н. Муравьев подал на высочайшее имя записку о создании самостоятельного генерал-губернаторства в Приамурье, в которой доказывал невозможность управлять всем огромным «хозяйством» силами одного генерал-губернатора Восточной Сибири. Самым удобным местом для резиденции называлась Хабаровка. Но эта идея была реализована только двадцать с лишним лет спустя [3, 4].

Хабаровск (Хабаровка до 1891 г.) был заложен как форпост России в Дальневосточном регионе для укрепления военных, политических и экономических позиций. Хабаровск выполнял эту задачу на пограничной реке Амур. В рамках реализации этой задачи и особенностей географического расположения изначальная планировка и дальнейшее развитие социального пространства города Хабаровска значительно отличались от городов центральной части России, что, кстати, рельефно просматривается в настоящее время.

Например, строительство кремлей (а также монастырских комплексов, игравших важную роль в структуре древнерусских городов) получило в России особенно широкий размах в 15—17 вв., в период становления централизованного государства; кремли, имея большое оборонительное значение, кроме того, определили планировочную основу центров многих русских городов (Москвы, Тулы, Нижнего Новгорода и др.). В Петербурге, Ярославле и др. городах применялась лучевая система улиц, которые являлись основой всей планировочной композиции и были направлены к центральному ядру города. Но наряду с парадными центрами росли и убогие, неблагоустроенные городские окраины, где ютилась городская беднота [5].

Хабаровск изначально строился для выполнения двух основных функций: как крепость и административная ставка. Эти задачи и определили его облик на первом этапе. В 1893 г. создается первый генеральный план застройки города. Разработанная в нем структура до сих пор сохраняется в историческом центре города. Публичные здания (губернаторский дом, офицерское собрание, штаб и т. д.) стали главными доминантами центра. Многочисленные военные объекты, расположенные исходя из оборонительных задач, определили его периферию. Собственно, гражданское население за редким исключением селилось в прилегающих к крепости-ставке слободах. Их включение в черту города и задало «клочковатое», разорванное социальное пространство города, характерное для советского периода его существования.

Но была и другая причина, препятствующая становлению целостного облика города. В 1920-е — 1930-е гг. сложилась концепция, согласно которой в самой структуре капиталистического города уже заложены неравенство и эксплуатация. Новое общество, построенное на отрицании эксплуатации, должно создать новый тип города. Не стал исключением данный процесс и для Хабаровска, в котором процесс совершенствования градостроительства

протекал в значительных масштабах. Характерной чертой этого периода являлось укрупнение города, населения, объектов различного назначения, инфраструктуры.

Так, политическая идея — идея социалистического города — стала основной при строительстве новых городов (Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре и др.). Но и на развитие городов, которые уже успели сложиться в имперскую эпоху, эта политика накладывала свой отпечаток [6]. В основу был положен принцип городского районирования, разработанный классиком функционализма Ле Корбюзье. Отдельные районы, располагавшиеся возле ключевого промышленного объекта (завода, фабрики, воинской части и др.), в рамках этой концепции обладали полной автономностью. В их пространстве располагалась вся необходимая для функционирования местного сообщества социальная инфраструктура, включая предприятия здравоохранения, образования, культуры, торговли, досуга, т. е. на ограниченной территории создавались особые условия для развития, т. е. микрорайон в современном понимании.

По сути, цель микрорайона — создание оптимальных условий для функционирования предприятия и обеспечения его качественными трудовыми ресурсами. В идеале все микрорайоны города должны были развиваться согласованно, создавая единый и целостный облик городского пространства как гомогенного и лишённого внутреннего расслоения. Но реальность вошла в противоречие с идеальными представлениями. Предприятие-заказчик в минимальной степени зависело от главного архитектора города как лица, ответственного за целостность его облика. Оно подчинялось, как правило, напрямую министерству (комиссариату) и потому не согласовывало свои действия с местной властью. В результате город Хабаровск, как и многие города, строившиеся или развивавшиеся под действием идеи соцгорода, превратился в хаос микрорайонов, разделённых промзонами [7]. Единственным объектом, «стягивающим» микрорайоны в единое целое, в один город, оставался исторический центр.

Центр Хабаровска размещён недалеко от набережной реки Амур. Центр представлен административными, военными и религиозно-культурными объектами. Именно здесь расположены главные точки притяжения населения, сходятся основные транспортные потоки. Но и на структуру центра различные этапы развития наложили свой отпечаток. Мы видим последовательную смену этих эпох в планировочной структуре города.

Территория города структурируется такими факторами, как престиж, которым пользуется тот или иной район, рыночная конъюнктура, определяющая стоимость жилья, пространственное средоточие отдельных сфер деятельности, что влияет на выбор места жительства представителями различных профессий и социальных слоёв. Особое место среди факторов дифференциации городского пространства продолжает занимать историческое структурирование его территории. Возраст строений предполагает стремление уйти из исторического центра, в то время как чувство престижа, вызываемое желанием приобщиться к старине, заставляет людей селиться в старой части города, если таковая имеется.

Ещё с момента образования центр занимает военно-административная, духовная элита, зарождающаяся буржуазная прослойка и интеллигенция.

В советский период глобальных изменений не происходит, только место духовенства занимают представители партийной элиты, а вместо уничтоженных буржуа — профсоюзные лидеры и руководители предприятий, руководство ДВО, культурный истеблишмент.

Происходит бурное развитие окраин посредством построенных предприятий, имеющих в основном подчиненность ВПК (Индустриальный район, пос. им. Кирова, Горького и т. д.), со своей слабо развитой инфраструктурой, что, с одной стороны, снижает нагрузку на центр, с другой, создает новые функции для центра. Только здесь происходит коммуникация между жителями микрорайонов, формируется социальная идентичность горожан. Именно с центром соотносит себя житель города вне зависимости от фактического проживания. «Начинается земля, как известно, от Кремля», — писал поэт. В этот период принципиальным вопросом место жительства не стоит, но проживание в центре города или близко от него все еще считается престижным.

В советский период активно развиваются научно-образовательные центры ДПИ, Медицинский, Педагогический институты, Институт культуры, ВПШ (ДВАГС), АПС ДВЖД. Значительное место в городском пространстве занимают войсковые соединения, силовые структуры. В центре города, на трех ключевых улицах располагаются управления МО, КГБ, МВД, ВВ, ПВО. Город, являясь приграничным, долгое время относится к закрытым территориям даже для граждан СССР. Периферия города строилась по отмеченному принципу соцгорода.

Если Индустриальный район возник на месте бывшей слободки, тоновые микрорайоны Кировского и Краснофлотского районов окружали прежние поселения, автоматически «включая» их в город. Сегрегация в Железнодорожном районе города, сложившемся вокруг железнодорожного вокзала и товарной станции, носила точечный характер. Установка на временность пребывания делала излишним развитие социальной сферы в городе, заботу о его внешнем облике до тех пор, пока миграционные потоки и проточная общность сохранялись. Поэтому эклектичность внешнего облика города, неразвитость социальной и досуговой сферы не воспринималась как нечто существенное.

Новую динамику развития городских пространств можно наблюдать в период перестройки и постсоветский период: начинается спад заказов военно-промышленного комплекса и вследствие псевдоприватизации исчезновение многих градообразующих предприятий. На их месте появляются торговые комплексы и рынки, предприятия индустрии развлечений и т. д. Престиж центра как места жительства новой элиты возрастает, а окраины начинают приобретать необустроенный, ветхий, заброшенный облик. Чуть позже с формированием социального слоя новых бизнесменов и госчиновников высокого уровня начинают появляться коттеджные поселки как на окраине города, так и в его черте.

Жизнь в центре города хоть и остается достаточно привлекательной, но для людей с уровнем достатка ниже среднего становится все менее доступной из-за ухода с красной линии недорогих кафе, столовых, продуктовых магазинов и других элементов прежней инфраструктуры. На доступность жизни в центре влияет и уровень цен на строящееся в этих районах жилье, выходящих почти на уровень московских.

Возникают основания для формирования социальной сегрегации. Различные районы города обретают различный социальный престиж. Соответственно ему формируется уровень цен на жилье, ценовые диапазоны торговой и досуговой инфраструктуры. «Новые бедные» вытесняются из «новых богатых» районов. Однако если первые два принципа полностью воплотились в градостроительной и социально-пространственной практике, то третий принцип, несмотря на интенсивность его внедрения, находится в стадии формирования. Последнее приводит к размыванию социальных границ, нарушению принципов социальной сегрегации. В одном доме могут жить опустившийся безработный и вполне преуспевающий бизнесмен.

Перспективы развития города могут быть неблагоприятны из-за снижения уровня естественного прироста и миграционных процессов. Рассмотрим возможные перспективы города с позиции пока нерешенных вопросов, основным из которых выступает неэффективное использование городских территорий.

Промышленными, коммунально-складскими и специальными зонами занята половина территории города, включая наиболее ценные в градостроительном плане земельные участки в центральной и прибрежной зонах. Для сравнения: жилая застройка составляет 4150 га, 2225 га занимают промышленные и коммунально-складские организации, 2575 га — территории специального назначения, 4066 га — коллективные сады. Таким образом, ценные городские территории заняты коммунально-складскими зонами, производственными зонами и садоводствами.

Не менее значима зажатость города кольцом индустриальных и военных объектов, протяженность и неоднородность составляющих город территорий. Населенные пункты, сельскохозяйственные угодья, коллективные садоводческие общества делают город расчлененным, неудобным для жизни. Такая неоднородность усложняет управление городом, муниципалитет вынужден решать неспецифические для города проблемы.

Острейшей проблемой города остается недостаточность транспортных связей и их пропускной способности. За последние годы значительно увеличился рост автомобилизации, при этом существующие городские транспортные связи исчерпали свою пропускную способность. Ввод в эксплуатацию федеральной дороги Чита — Хабаровск увеличил транзитный поток, проходящий в настоящее время в границах городской застройки, и тем самым еще больше уменьшил пропускную способность существующих городских связей. Данное обстоятельство отрицательно влияет на организацию городского транспорта и условия проживания населения. Наличие единственного мостового перехода через реку Амур в границах городской застройки, который осуществляет не только выход из города, но и пропуск транзитных потоков как Хабаровского, так и Приморского краев, требует рассмотрения вопроса о создании дублера.

Продолжают волновать граждан экологические проблемы и проблемы безопасности проживания. В санитарно-защитных зонах, зонах воздушного подлета, шумовых и других зонах находится почти половина территории города — нарушены условия безопасного проживания горожан.

Из вышеуказанных проблем вытекают цели и задачи территориального планирования. Основным положением генплана является то, что город Хабаровск должен сохранить и укрепить свое значение центра Дальневосточного региона, остаться форпостом на границе России. Поэтому одной из стратегических задач остается сохранение и увеличение численности населения в городе. Дальнейшая потеря населения на Дальнем Востоке приведет к потере влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, исторический анализ градостроительного развития доказывает, что развитие города — это, прежде всего, изменение его планировочной структуры. На проектном плане очевидна существенная трансформация планировочной структуры города: преобразование существующей линейной структуры в радиально-кольцевую. Новый планировочный каркас города — радиально-кольцевая система транспортных магистралей — объединит в единое целое общегородской центр, жилые районы, промышленные и транспортные узлы города. Главной планировочной осью снова станет основная ландшафтно-планировочная ось — река Амур. Следовательно, на наш взгляд, продуманная, планомерная застройка Хабаровска, последовательное освоение новых и освобождаемых от ветхого жилья площадей, изменение внешнего облика хабаровских кварталов, магистральных улиц, их современное благоустройство могут быть осуществлены только на основе объединенных усилий краевых и городских органов власти, предприятий и организаций города.

Если сравнительно недавно одной из основных проблем городов была проблема обеспечения населения жильем и, соответственно, проблема «лишнего» населения, то сегодня на первый план выходит проблема конкуренции за население между городами страны. От того, насколько город сможет привлечь людей своим благоустройством, развитием социальной инфраструктуры и т. д., зависит его будущее. Надеемся, что у нашего города будущее есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социально-пространственные функции города и пространственная среда / под ред. М. Б. Коган. М., 1982.
2. Трущенко О. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М., 1995.
3. Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Освоение русскими людьми Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1989. 320 с.
4. Никитин Н. И. Русские землепроходцы в Сибири. М., 1998. 64 с.
5. Бунин А. В. История градостроительного искусства. Т. 1. М., 1953.
6. Меерович М., Хмельницкий Д. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1.
7. Бляхер Л. Е. Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды. Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В. В. Вагин. Сер. «Научные доклады». № 116. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

1. Sotsialno-prostranstvennyye funktsii goroda i prostranstvennaya sreda / pod red. M. B. Kogan. M., 1982.
2. Trushchenko O. Prestizh tsentra: gorodskaya sotsialnaya segregatsiya v Moskve. M., 1995.

3. *Alexeev A. I., Morozov B. N.* Osvoenie russkimi lyudmi Dalnego Vostoka (konets XIX v. — 1917 g.). M., 1989. 320 s.
4. *Nikitin N. I.* Russkie zemleprokhodtsy v Sibiri. M., 1998. 64 s.
5. *Bunin A. V.* Istoria gradostroitel'nogo iskusstva. T. 1. M., 1953.
6. *Meerovich M., Khmel'nitski D.* Amerikanskiye i nemetskiye arkhitektory v borbe za sovetskuyu industrializatsiyu // Vestnik Evrazii. 2006. № 1.
7. *Blyakher L. E.* Prostranstvennaya segregatsiya g. Khabarovska: teoretiko-metodologicheskiye etyudy. Rossiyskoye gorodskoye prostranstvo: popytka osmysleniya / otv. red. V. V. Vagin. Ser. «Nauchnyye doklady». № 116. M. : Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2000.

© Обирин А. И., 2011

Поступила в редакцию
в ноябре 2011 г.

УДК 316.33

Э. К. Наберушкина

**БЛАЗИРОВАННОСТЬ
ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Рассматриваются современные тенденции развития городского пространства, особенности социальных отношений в мегаполисе, характеризующихся блазированностью и равнодушием. Затрагивается проблематика социальной роли архитектуры, анализируются процессы конструирования городского пространства в аспекте создания доступной городской среды для людей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова:

городское пространство, урбанизация, блазированность городской среды, люди с ограниченными возможностями, доступность городской среды.

E. K. Naberushkina

SATIETY OF URBAN SPACE

The modern trends of development of urban space, feature of social relations in a megacity, characterized satiety of urban space and indifference are considered. The problem of a social role of architecture is affected. The processes of designing of urban space in aspect of creation of the accessible city environment for handicapped people are analyzed.

Key words:

urban space, urbanization, satiety of urban space, handicapped people, availability of urban environment.

Особыми социальными реалиями наполняется наша повседневность в связи с нарастающей урбанизацией и современными проявлениями городского образа жизни. Новое прочтение в современном городе обретает феномен блазированности — термин, который Г. Зиммель использовал, рассуждая о взаимоотношениях людей в пространстве города, характеризующихся взаимной замкнутостью и безразличием. «Сущность блазированности есть притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются человеку с притупленными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими. Такое душевное состояние есть настоящее субъективное отражение всепроникающего денежного хозяйства» [1]. Блазированность в концепции Зиммеля имеет двойственную оценку, наряду с вышесказанным выполняет функцию самосохранения, но, являясь неизбежным фактором социального развития и выполняя защитную задачу, блазированность привносит в современную повседневность опасности, связанные с обезличиванием людей и городов, что, в конечном итоге, принимает форму враждебности.

Понятие блазированности одинаково применимо как для обозначения социальных коммуникаций и поведения горожан, так и для характеристики образа городских застроек. Проявления блазированности видны в социальных транзакциях между людьми, в отношении горожан к самому городу и его объектам. В первом случае многочисленные примеры связаны с равнодушием толпы, безразличием к проблеме отдельного человека в местах многочисленного скопления людей (метро, улицы и переходы). Во втором случае — это безразличие к городу и его архитектурным объектам, примеры находятся как в сфере деятельности профессионалов — субъектов конструирования городского пространства, — так и в частных актах вандализма и пренебрежения к окружающей среде. В этой статье основной акцент сделан на рассмотрении по-

Об авторе:

Наберушкина Эльмира Кямаловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы, докторант, Саратовский государственный технический университет, ellana777@mail.ru

Naberushkina Elmira Khamalovna — Candidate of Sociological Science, Assistant Professor, Assistant Professor of social anthropology and social work department, Postdoctoral Student, Saratov State Technical University

следствий блазированности акторов конструирования городского пространства — архитекторов и сити-менеджеров, чиновников и частных застройщиков. Сегодня, с одной стороны, происходит гуманизация социальных отношений, меняются общественные установки в сторону толерантности, принятия человеческой вариативности, нетипичности, с другой стороны, возрастает враждебность городской среды, выраженная в рисках социального и техногенного характера, барьерах, препятствующих улучшению качества жизни. Блазированность, равнодушие и безразличие все чаще становятся ключевыми характеристиками современных мегаполисов.

Большую тревогу вызывает вектор роста и развития городов, который направлен преимущественно на максимальное извлечение экономической выгоды. Специфика конструирования городского пространства, а главное — социальный посыл, определяющий архитектурное и физическое развитие городов, имеет мало общего с задачами «социальной мелиорации» и улучшения качества жизни в мегаполисе. Возникает вопрос: для кого и для чего строятся города сегодня? Что происходит с разными людьми в этом урбанизированном пространстве, каким дисциплинарным практикам они подвергаются, на какие условия существования обрекаются? Наилучшим образом ситуацию иллюстрируют примеры людей с инвалидностью.

За последние два десятилетия в нашей стране произошли существенные изменения в области декларирования прав и свобод людей с ограниченными возможностями, заметно изменилось социокультурное отношение к людям с инвалидностью. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, а значительно раньше были приняты законы, где устанавливались ключевые требования к реализации прав граждан с инвалидностью. Логичным продолжением начатых социальных преобразований становится реализация требований по созданию доступного городского пространства для людей с ограниченными возможностями. Речь идет о конструировании не враждебного, а открытого города, где нет барьеров, препятствующих нормаль-

ной, независимой и активной жизнедеятельности граждан, чьи физические возможности ограничены диагнозом или возрастом.

С 2011 г. начала действовать государственная программа «Доступная среда на 2011—2015 годы», цель которой — формирование к 2015 г. условий для обеспечения равного доступа инвалидов, наравне с другими, к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения [2]. Эмпирически изучая практики изоляции людей с инвалидностью в полях городского пространства, мы находим подтверждение высказыванию Бурдые о том, что «социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей» [3]. Несмотря на то, что в обществе произошли серьезные перемены, изменились лишь способы сегрегации «чужаков» в городах. Раньше — экономическое и идеологическое давление, приводящее к вытеснению не способных приносить пользу обществу в гетто-интернаты, сейчас — сегрегация по признаку инвалидности, выраженная в барьерах городского пространства. Соглашаясь с мыслью М. Кастельса о том, что социальное пространство не есть отражение, фотокопия общества, «оно и есть общество» [4], а архитектурное, физическое пространство города и то, как организованы городские территории, является отражением социальных процессов общества, мы убеждаемся в существовании нетерпимости и стремления социально дистанцироваться от людей с определенными особенностями физико-генетического статуса. Хотя в настоящее время в поле социологии города представлены весьма разнообразные урбанистические исследования, тем не менее анализ сложившихся, а также возникающих практик социального исключения людей с инвалидностью из городской повседневности представлен не достаточно.

Организация и устройство инфраструктуры многих городов таково, что порой в буквальном смысле «обездвиживает» человека, не позволяя ему участвовать в городской повседневности. Город и его архитектура выступают сегодня важнейшим свидетельством скрытой мифологии общества — в переломках соединяются современность, прошлое и возможное будущее. Сложившийся городской порядок, барьеры, изолирующие инвалидов, напоминают, по выражению М. Фуко, паноптикон: «В условиях паноптикона сила власти заключается в том, что она никогда не вмешивается, а отправляется самопроизвольно и бесшумно, она образует механизм, чьи действия вытекают одно из другого. Не располагая никакими материальными инструментами, кроме архитектуры и геометрии, власть воздействует непосредственно на индивидов» [5]. Социум преодолел период открытой враждебности и дискриминации по отношению к инвалидам, но латентные формы социальной изоляции и сегодня носят системный характер.

К сожалению, пока очень слабо звучит мысль о социальной роли архитектуры, хотя этот тезис подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных урбанистов и социальных антропологов (А. Лефевр, Дж. Джейкобс). Серьезную озабоченность вызывает полярность позиций современных архитекторов, градостроителей и обществоведов, ученых, изучающих социальные процессы и коммуникации. Люди предпочитают принцип наименьших затрат в том, что касается использования городских терри-

торий и объектов, а планировщики руководствуются чем угодно, но только не удобством для пользователей. Р. Смит отмечает: «Я постоянно удивляюсь, просматривая свежие архитектурные журналы с кучей замечательных картинок недавно построенных зданий, поскольку пользующихся этими зданиями людей на изображениях почти никогда не бывает! Весь наш опыт свидетельствует о том, что архитекторов, в первую очередь, интересует либо дизайн как чистое искусство, либо конструктивные особенности их проектов. В то же время они не приучены думать о том, какой отклик вызывают в людях те или иные дизайнерские находки, и, соответственно, мало озабочены этим вопросом» [6].

Созданная в наших городах архитектурная обстановка красноречиво говорит о том, кто «главный» пользователь и актер социального пространства. Недоступность большинства материальных и архитектурных объектов для инвалидов, пожилых людей, для детей свидетельствует о наделении этих групп статусом «несущественных», «не важных» членов общества. Обилие банков, ресторанов, торговых центров, развлекательных заведений в сочетании с тенденцией вытеснения бесплатных мест отдыха для горожан — показатель ценности исключительно человека состоятельного, активного члена общества потребления. Социальная ответственность архитектуры не осознается на уровне планирования и принятия градостроительных решений, зачастую формируется в угоду коммерческим интересам. Собственный опыт участия в городских мероприятиях, конференциях и дискуссионных площадках, посвященных вопросам развития города, позволяет констатировать, что архитекторы по-прежнему видят городской объект исключительно в контексте архитектурного ансамбля, строители в лучшем случае хорошо исполняют строительные нормы, бизнес ориентирован на максимальное извлечение прибыли. Тема человека, которому предстоит жить в этом городе, для которого в идеале и создаются городские объекты, остается за бортом дискуссий, о людях с ограниченными возможностями мобильности почти никогда не вспоминают. Такой подход не что иное, как блазированность профессионалов, конструирующих городское пространство, нежелание анализировать степень комфортности продукта, который они создают для горожан с разными потребностями, социальными и физическими возможностями. Бодриар в этой связи отмечает: «Строятся целые кварталы жилых домов и офисов, но они обречены навеки оставаться пустыми из-за экономического кризиса или спекуляции. Они — отходы, всего лишь отходы и навсегда останутся таковыми, это не следы прошлого и не руины, которые все-таки представляют собой почтенные памятники старины. Эти дома — памятники бездушию предпринимательской деятельности человека. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [7].

Анализ присутствия социального знания в практиках конструирования городов показывает, что оно по-прежнему не вошло в науки архитектурного блока и в практику формирования городского пространства в том смысле, как это демонстрирует опыт западных стран. В 50-е гг. XX столетия в США сформировались научные направления «Environment» и «About Behaviourism». В России благодаря академику А. В. Степанову,

Г. И. Ивановой и Н. Н. Нечаеву родилась наука «Психология городской среды», которая все же не лицензирована и не функционирует в аудиториях университетов. Студентам архитектурных факультетов не преподается социология города и социальная антропология. Слабо осознается социальная значимость архитектуры и ее влияние на такие социальные явления, как преступность, проявление насилия, враждебности, фрустрации. Сегодня много рассуждений относительно нетерпимого, недоброжелательного отношения к инвалидам, пожилым людям, малоимущим, мигрантам. Нельзя изменить эти негативные проявления современного социума, не предоставив людям возможности узнавать друг друга. Только «опривычивание» повседневных практик с участием инвалидов, людей разной национальности, разного возраста ведет к толерантности. Невозможно сформировать у подростка хорошее отношение к сверстнику с инвалидностью, если они учатся в разных школах, не имеют возможности общаться на одних и тех же прогулочных, досуговых и спортивных площадках. Очевидна взаимообусловленность доступности, безбарьерности городской среды с улучшением социальной атмосферы в урбанизированном пространстве.

Сегодня в одних городах инвалидов можно встретить часто и в разнообразных местах, в других — в основном в качестве просящих милостыню, а в третьих — крайне редко или никогда. Даже в крупных российских городах увидеть человека на инвалидном кресле можно значительно реже, чем в любом западном городе, что вовсе не является свидетельством того, что у нас инвалидов меньше, а красноречиво говорит о недоступности и враждебности наших городов к людям с инвалидностью. Инфраструктура российских городов, характер зданий, дорог и тротуаров не предоставляют маломобильному человеку возможности беспрепятственно передвигаться, пользоваться общественным транспортом, а порой и выйти из собственной квартиры. В мировой практике существуют правила, побуждающие руководствоваться принципами универсального дизайна при конструировании городских территорий и объектов, создавать всевозрастную среду или среду, доступную для всех. Именно наличие доступной среды позволяет людям с инвалидностью становиться полноправными горожанами и участниками социальных процессов. Если социум и город позволяют инвалидам вести независимый и полноценный образ жизни, то все горожане знают правила реагирования на людей в инвалидных колясках, привыкли видеть людей с разными особенностями развития и взаимодействовать с ними в различных ситуациях (в магазине, на улице, в общественном транспорте). Когда люди с инвалидностью изолированы, мало представлены в повседневных городских коммуникациях, ведут замкнутый образ жизни, горожане либо вообще не имеют стандарта приемлемой реакции, либо реакция на инвалида непредсказуема — от проявления любопытства до парализующего страха. В городах, где «не умеют взаимодействовать с инвалидами», люди с ограниченными возможностями часто вынуждены уходить в состояние базирования, человек перестает проявлять интерес к известным ему и принятым в обществе ценностям, предпочитая мир своих иллюзий. Бодриар отмечает, что «в мегаполисе представлены все элементы социальности, они собраны здесь в идеальный комплекс: пространственная близость, легкость взаимодействия и обмена, доступность информации в любое время. Но вот что происходит: ускорение и интенсификация всех

этих процессов порождает в индивидах безразличие и приступы замешательства. Моделью этого вторичного состояния, когда в атмосфере всеобщего безразличия каждый вращается на собственной орбите, словно спутник, может послужить транспортная развязка: пути движения здесь никогда не пересекаются, вы больше ни с кем не встречаетесь, ибо у всех одно и то же направление движения; так, на экране определителя скорости видны лишь те, кто движется в одну и ту же сторону. Может, в этом и заключается суть коммуникации? — Одностороннее сосуществование. За его фасадом кроется все возрастающее равнодушие и отказ от любых социальных связей» [7].

Явления «бегства от города», «dawn shifting» можно считать порождением блазированности городского пространства наряду с новыми опасностями, которые современный город несет в себе (терроризм, преступность, техногенные катастрофы). Блазированность опасна переходом в ненависть, которая может обернуться насилием в любой момент, и нельзя предсказать, на кого оно будет направлено. Бодрийер отмечает, что «ненависть при всей двузначности представляет собой отчаянный протест против безразличия нашего мира, и в этом своем качестве она, несомненно, является гораздо более прочным видом связи, чем консенсус или тесное общение».

Итак, проявления безразличия, бесчувственности и равнодушия, присущих в большей степени урбанизированному пространству и выраженных в блазированности, дискриминации и социальном притеснении, ведет нас к размышлению о рациональности и моральности общества. Анализируя вопросы рационального и иррационального в обществе, можно сделать вывод о диспропорциональном развитии социума и городского пространства. Конструирование городской среды и процессы урбанизации происходят как бы в отрыве от социальной составляющей урбанизма. Безразличие к человеку, к людям с особыми потребностями порождает новые враждебные барьеры, карикатурные схемы, когда теоретически формируется задача улучшения качества жизни горожан, а фактически из-за блазированности чиновников, строителей, архитекторов и общественности город наполняется уродливыми объектами, именуемыми пандус, или иными сооружениями, которые становятся дополнительным препятствием для взаимодействия людей в городе. По-прежнему социальные группы людей, отклоняющихся от общепринятой нормы, исключены из списка городского пространства как целого, мало осознания ситуации взаимопереплетения интересов инвалидов, пожилых, бедных, бездомных или любых других социальных групп друг с другом, не сконструировано понимание целостности всего сущего. В первой половине XX столетия Манхейм писал: «Правда, мы находимся еще на той стадии, когда каждая господствующая социальная группа стремится захватить планирование в свои руки, чтобы использовать его во вред остальным группам. Хотя и возможно, что все наше поколение будет свидетелем только той борьбы групп за одностороннее планирование, — это лишь остаток того противостояния, когда каждый думает не о всем человечестве, а только о своей группе, членом которой он является». В первой половине XX в. борьба групп за одностороннее планирование приобрела лишь иные формы и переметнулась в другие плоскости, например от вооруженного противостояния до информационных и экономических войн, лоббирования узких коммерческих интересов.

Социальная значимость архитектуры очевидна, в частности она проявляется в том, что, создавая доступную для всех окружающую среду, общество решает самые важные социальные задачи: формирования культуры общения между разными людьми, развития навыков соучастия в ежедневных делах, распространения практик взаимопомощи и терпимости. Игнорирование же социального знания и социальной ответственности архитектуры будет приводить к новым коллапсам, нарастанию блазированности и враждебности в городском пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 3—4. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/> (дата обращения: 01.10.2011).
 2. Государственная программа «Доступная среда на 2011—2015 годы» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://region.adm.nov.ru/region/social/dost_sreda.pdf (дата обращения: 01.10.2011).
 3. *Бурдые П.* Социология социального пространства : пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 40
 4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 385.
 5. *Фуко М.* Надзирать и наказывать : пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. С. 111
 6. *Вильковский М.* Социология архитектуры. М. : Фонд «Русский авангард», 2010. С. 115
 7. Город и ненависть. Лекция Жана Бодрийяра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656> (дата обращения: 01.10.2011).
-
1. *Zimmel G.* Bolshie goroda i dukhovnaya zhizn [Elektronny resurs] // Logos. 2002. № 3—4. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/> (data obrashcheniya: 01.10.2011).
 2. Gosudarstvennaya programma «Dostupnaya sreda na 2011—2015 gody» [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: http://region.adm.nov.ru/region/social/dost_sreda.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2011).
 3. *Burde P.* Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva : per. s frants. ; отв. red. perevoda N.A. Shmatko. M. : In-t eksperimentalnoy sotsiologii ; SPb. : Alteya, 2007. S. 40.
 4. *Castels M.* Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo, kultura. M., 2002. S. 385.
 5. *Fuko M.* Nadzirat i nakazyvat : per. s . frants. V. Naumova pod red. I. Borisovoy. M. : Ad Marginem, 1999. S. 111.
 6. *Vilcovski M.* Sotsiologiya arkhitektury. M. : Fond “Russki avangard”, 2010. S. 115.
 7. Gorod i nenavist. Leksiya Zh. Bodriyara [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/656 (data obrashcheniya: 01.10.2011).

© Наберушкина Э.К., 2011

Поступила в редакцию
в октябре 2011 г.

УДК 316: 711.4

*О. В. Мирошникова,
Г. Ю. Щекин, И. Е. Рева***ТОЛЕРАНТНОСТЬ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ГОРОДА**

Показано, что структура дифференциации по уровням толерантности берет свое начало из динамики социального взаимодействия внутри города, степень которого является функцией социальной дистанции, и может быть концептуализирована в рамках отношения людей к определенным группам. При рассмотрении толерантности городского населения (на примере г. Волгограда) эксплицируются факторы, влияющие на уровень толерантности.

Ключевые слова:

социальное пространство города,
этнический статус,
семейное положение,
экономический статус,
толерантность.

*O. V. Miroshnikova, I. E. Reva,
G. Yu. Shchekin***TOLERANCE
OF CITY SOCIAL SPACE**

The differentiation structure by tolerance level is traced its roots from the dynamics of social interaction intracity and is possibly conceptualized in the people relation.

The interaction degree is the function of the social distance. While considering urban population tolerance (on example Volgograd) the factors that are influenced the tolerance level are selected.

Key words:

city social space,
ethnic status,
family status,
economic status, tolerance.

С постоянно растущим населением, зачастую интегрируя народы из близлежащих и отдаленных районов, торговцев и коммерсантов, ученых и путешественников, иностранцев из ближнего и дальнего зарубежья, город всегда являлся стержнем социального и интеллектуального многообразия благодаря слиянию различных идей и культур. Городское пространство с высокой разнородностью рассматривается как место, «в которое люди различного происхождения могут с легкостью влиться..., проявляя высокую степень открытости» [1]. На протяжении всей истории человечества городское население с разной степенью толерантности сосуществовало в рамках общей экономической и институциональной системы.

Шевки и Белл [2] анализировали социальную среду, основываясь на той предпосылке, что город является отражением сложности современного общества. Идентифицированы три главных фактора, формирующих социальные преобразования в пределах городской среды:

социальное положение или экономический статус;

урбанизация или семейное положение.

Мерди [3] описал наличие городской мозаики исходя из пересечения трех факторов анализа социальной среды. Он предположил, что социально-экономическое положение представляет отраслевую структуру, семейное положение — концентрические зоны, а этнические сосредоточения напоминают множественные узлы. Наложение этих зон выливается в городскую мозаику.

На основе этой модели построим методологию толерантности в социальном пространстве города.

Этнический статус. Представление о том, что межэтнические отношения реагируют на внешние факторы, подтверждается многими исследованиями. Теория модернизации связывает межэтническое противостояние с быстрым экономическим ростом, так что сопутствующая индустриализация и урбанизация дают импульс этническим противостояниям [4]. С точки зрения теории этнического противостояния этнический антагонизм связан с мобилизацией ресурсов на рынке труда [5, 6].

Об авторах:

Мирошникова Оксана Витальевна – аспирант кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), mirok-06@mail.ru

Miroshnikova Oksana Vitalevna – Post-graduate Student of philosophy, bioethics and right department, Volgograd State Medical University (VSMU)

Щекин Геннадий Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), Alfa-001@yandex.ru

Shchekin Gennadi Yurevich – Candidate of Sociological Science, Assistant Professor of philosophy, bioethics and right department, Volgograd State Medical University (VSMU)

Рева Ирина Евгеньевна – аспирант кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), nns18@yandex.ru

Reva Irina Yevgenevna – Post-graduate Student of philosophy, bioethics and right department, Volgograd State Medical University (VSMU)

В концепции межэтнической толерантности зависимая переменная понимается как готовность принимать других и предрасположенность доверять им. Полагаем, что индикаторами такого отношения являются:

- 1) готовность вступить в брак с представителем другой этнической группы;
- 2) готовность поддерживать представителей других этнических групп;
- 3) готовность участвовать в этническом диверсификации.

Формирование межэтнической толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества, что предполагает усиление роли общественных и религиозных организаций и расширение их взаимодействий с социальным пространством.

Семейный статус. Семья играет роль интегрирующего фактора, координирующего все направления социальной политики в обществе. Являясь важнейшим общественным институтом, семья имеет решающее значение как для индивидуальной жизни человека, так и для социального, экономического и культурологического развития общества. Семья — уникальная подсистема государства, способная успешно решать специфические функции по социализации, включая формирование толерантности будущего поколения.

Социально-экономический статус. Потенциал взаимодействия личности с другими часто ограничивается имеющимися возможностями. В связи с этим можно предположить, что чем выше уровень такой вовлеченности по глубине и продолжительности, тем сильнее будет связь. Некоторые профессии увеличивают вероятность взаимодействия с другими людьми. Профессиональная вовлеченность в общественную сферу допускает такое взаимодействие. Полагаем, что представители таких профессий обладают более высоким уровнем толерантности по сравнению с теми, у кого такой возможности нет.

Доход наряду с образованием и сферой деятельности используется в качестве индикатора социально-экономического статуса.

Городская мозаика служит основой моделей социального взаимодействия. Структура диффе-

ренциации по уровням толерантности в конечном итоге берет свое начало из динамики социального взаимодействия внутри города, степень которого является функцией социальной дистанции, и может быть концептуализирована в рамках отношения людей к определенным группам.

Два конкурирующих, но не исключających друг друга подхода были предложены для пространственных вариаций толерантности — композиционный и контекстуальный. В соответствии с композиционным подходом существование вариаций толерантности обусловлено тем, что в некоторых районах больше людей с характеристиками, связанными с более низким уровнем толерантности (например, более низкий уровень образования, фундаменталистская религиозная принадлежность, пожилой возраст). Поэтому очевидное влияние окружающей среды на аттитуды является следствием индивидуального уровня характеристик, а вовсе не контекстуальным эффектом [7].

Контекстуальный подход утверждает, что пространственная вариация норм и ценностей существует вне всяких композиционных эффектов. Сторонники контекстуального подхода, как правило, предлагали субкультурную концепцию, согласно которой города имеют некое культурное измерение, которое оказывает влияние на толерантность [8, 9]. Даже если бы две территории имели совершенно идентичное население, мы могли бы наблюдать различные средние уровни толерантности как следствие их конкретных культурных особенностей. Субкультурная концепция зачастую либо подразумевает, либо непосредственно констатирует, что эти культурные факторы не сводятся к конкретным эмпирическим характеристикам территории. В результате любая пространственная вариация толерантности больше обуславливается общими социально-историческими и культурными факторами, чем конкретными демографическими показателями территории.

Таким образом, аттитуды личности определяются не только ее личными характеристиками (образованием, возрастом, доходом), но также характеристиками окружающих людей и социальными связями между ними. Культурные отличия проявляются в вариациях толерантности независимо от их индивидуальных характеристик.

Рассмотрим факторы, влияющие на снижение уровня толерантности, на примере г. Волгограда и области.

Историческое прошлое города, которое связано в первую очередь с военной историей, ориентирует общество на «верность коммунистическим традициям», не предоставляя возможности для утверждения личностной автономии. Основание говорить о том, что область по-прежнему обладает рядом характеристик «красного региона», дают результаты выборов Президента РФ на территории региона. По данным Избирательной комиссии Волгоградской области, в выборах Президента РФ 2008 г. 24,25 % участвовавших отдали свой голос за лидера КПРФ Г. А. Зюганова [10]. В связи этим полагаем, что средний уровень толерантности по городу будет ниже в сравнении с теми городами, где преобладают ценности либерально-демократического общества.

Является совершенно очевидным тот факт, что осознание причастности к великому прошлому актуально лишь для жителей Волгограда преимущественно среднего и старшего возраста. На начало 2009 г. численность населения в возрасте старше 40 лет составляла 48,5 % [11], поэтому можно предпо-

ложить, что существует обратная корреляционная связь между возрастом и толерантностью жителей Волгограда.

Близость Волгоградской области к государственной границе, к республикам Северного Кавказа повышает вероятность возникновения групп со смешанным этническим составом, в которых велик конфликтогенный потенциал. Закрепление мигрантов на новых территориях связано с вмешательством в традиционные для коренного населения сферы деятельности: происходят изменения в этническом разделении труда, перераспределяется земля и собственность. Желание усилить собственные позиции в регионах сопровождается стремлением обеспечить этническое представительство в местных органах власти. Отмеченный вид конфликтов характерен, в частности, для Волгоградской области. Волгоградская область отличается полиэтничным составом, хотя 88,69 % составляют русские. В области проживают представители 150 национальностей и народностей. У отдельных из них переписью 2002 г. отмечен рост численности в 1,5 и более раза [11]. «Положение усугубляется проникновением в приграничные районы радикальных течений с религиозной окраской, подобных так называемому «ваххабизму» (радикальному исламу) или, с другой стороны, национал-экстремизму, использующему православие в качестве идеологического обоснования. В определенной степени ситуацию дестабилизирует и раскол в официальном российском исламе, что порою выливается в конфликты, которым неосознанно, а иногда и сознательно, придается определенный этнорелигиозный оттенок. В Волгоградской области конфликт между двумя группировками «официального ислама» в приграничном Палласовском районе был преподнесен одной из сторон как «наступление ваххабизма», якобы представленного группой из 20 молодых казахов и чеченцев, строго придерживавшихся идеологии «чистого ислама» саудовского толка. В рамках такого восприятия укоренено стереотипное представление о том, что этномиграционные потоки казахстанского и кавказского происхождения имеют устойчивую тенденцию к нарастанию и в обозримой перспективе не иссякнут, что может привести к коренному изменению этнодемографического баланса» [12]. Проблема заключается еще и в том, что этномигранты захватывают ключевые позиции в социально-экономической жизни. Инфаворитизм [13] и психологический механизм социального сравнения являются основой межэтнической напряженности. В связи с этим можно высказать предположение о том, что жители Волгоградской области не готовы демонстрировать межэтническую толерантность.

Регулярными становятся пикеты, митинги и другие массовые акции протеста, проводимые в российских городах активистами националистических движений. В Волгограде 23 февраля 2011 г. начал свое движение разрешенный властями «Русский марш». Главный лозунг волгоградских националистов — «Долой коррупцию и русофобию в органах власти». Более трехсот участников, принадлежащих различным националистическим объединениям, прошли по улицам Волгограда. Они выкрикивали националистические лозунги, один из которых — «Волгоград — русский город». «В настоящее время подобные марши — самое социально опасное явление в России. Особую опасность они представляют в наше бунтарское время для таких многонациональных городов, как Волгоград, так как это может спровоцировать ряд

жестоких межнациональных конфликтов или погромов», — сказал активист антифашистского движения Волгограда политолог Андрей Бачман [14].

Наблюдается скоротечность социального расслоения общества на очень богатых и очень бедных, интересы которых принципиально различны. Распределение общего объема денежных доходов населения в 2005—2009 гг. сформировалось в пользу высокодоходных групп населения. Доходы десяти процентов наиболее обеспеченного населения в 11—12 раз превышали доходы десяти процентов наименее обеспеченного населения. Если в 2005 г. доходы до 2,0 тыс. руб. имело 11,0 % населения, то в 2009 г. 0,9 % населения имело такие доходы, доходы свыше 25 тыс. руб. в 2005 г. имело 0,7 % населения, в 2009 г. — 8,7 % населения [11].

Несмотря на рост доходов населения, в России, включая Волгоградскую область, институт семьи переживает глубокий кризис. В 2009 г. территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области зафиксировано, что на 1000 браков пришлось 642 развода [11]. Комплекс острых социальных проблем, связанных с дисфункцией института семьи, настолько сложен, что представляет угрозу общественной безопасности.

Соотнесение толерантности с правозащитной проблематикой позволяет выделить рост преступности против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, а также совершение правонарушений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. В 2005 г. выявлено 5,7 тыс. преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. К 2009 г. эта цифра составила 6 тыс. В 2009 г. зарегистрировано 0,5 тыс. правонарушений против конституционных прав и свобод человека и гражданина [11].

Наряду с факторами, снижающими уровень толерантности, необходимо отметить также параметры, ассоциируемые с повышением уровня толерантности.

Позитивная корреляция между уровнем образования и толерантностью подтверждается многими эмпирическими исследованиями [5, 15]. С увеличением уровня образования углубляются и знания о других культурах, появляется открытость новым концепциям, готовность к неопределенности и неоднозначности. Полученный в процессе образования когнитивный опыт приводит к постоянству в приверженности демократической идеологии и толерантности к группам с отличными и даже неприемлемыми для личности взглядами.

В Волгоградской области сохраняется тенденция роста численности учащихся в высших учебных заведениях. Так, на начало 2009/10 учебного года численность учащихся составила 119,5 тыс. человек, что на 9,2 тыс. человек больше (на 8,3 %), чем на начало 2005/06 учебного года. По договорам с юридическими и физическими лицами с полным возмещением затрат в 2009/10 учебном году в государственных и муниципальных высших учебных заведениях обучалось 46,8 тыс. студентов, что на 942 человека (на 2 %) больше, чем в 2005/06 учебном году [11].

Целесообразна активизация деятельности социальных институтов по формированию толерантности, важнейшими из которых на региональном уровне являются семья, государство, культура, образование (деятельность органов го-

сударственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления, общественных организаций с точки зрения эффективного воздействия на процесс окультуривания школ, культурных центров). И даже если их деятельность создается в ответ на потребности интеллектуальной элиты, влияние распространяется на все общество. Согласно плану работы органов исполнительной власти Волгоградской области на I квартал 2010 г., Комитету по делам национальностей и казачества администрации Волгоградской области поручено организовать и провести заседания консультативных советов по делам казачества, по делам национальностей, а также провести совещание совместно с представителями правоохранительных органов, органов местного самоуправления, активом национальных общественных объединений и казачьих обществ «О состоянии и перспективах развития межнациональных отношений и возрождения казачества, профилактике правонарушений и экстремистских проявлений». В соответствии с Комплексным планом информационного противодействия терроризму в стране на 2008—2012 годы, утвержденным Президентом Российской Федерации, главой администрации Волгоградской области утвержден план мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму на территории региона на 2009—2012 гг. [16].

В феврале 2011 г. в Волгоградском муниципальном театре впервые состоялся Форум народов Волгограда. Более 600 представителей разных национальностей и конфессий собрались для того, чтобы обсудить вопросы межэтнического сотрудничества, перспектив развития межнациональных и межконфессиональных отношений на территории города.

Разработана комплексная программа по противодействию распространению экстремизма. В декларации, принятой форумом, отражены направления совместной работы администрации Волгограда и 38 зарегистрированных в городе национальных общественных объединений. Участники мероприятия считают, что в 2011—2013 гг. необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на сохранение и развитие самобытной культуры Волгограда, создание условий для взаимодействия и сотрудничества народов в сфере культуры, образования, спорта, работы с молодежью. К примеру, в течение ряда лет Волгоградская областная юношеская библиотека ведет работу по формированию толерантного сознания у подрастающего поколения. В рамках этой деятельности состоялись Интернет-библиомосты с юношескими библиотеками Украины и Республики Коми.

В заключение можно предположить, что сбалансированное развитие социального пространства города невозможно без совершенствования взаимодействия на всех уровнях посредством ряда мер местных органов власти, образовательных учреждений, институтов культуры. Эти меры напрямую касаются финансовой поддержки, закрепления правовых норм, активизации деятельности в рамках проведения культурных мероприятий, а также повышения качества образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Florida R.* The economic geography of talent, Working Paper, Heinz School of Public Policy and Management. Pittsburgh : PA Carnegie Mellon University, 2001.
2. *Shevky E., Bell W.* Social Area Analysis. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1955.
3. *Murdie R.* Factorial ecology of metropolitan Toronto, 1951—1961. University of Chicago, 1969.

4. *Deutsch K. W.* Nationalism and its Alternatives. 1999.
 5. *Melson R., Wolpe H.* Modernization and the politics of communalism: A theoretical perspective // *Am. Political Sci. Rev.*, 64. 2000. P. 1112—1130.
 6. *Young C.* Ethnic Identity in East Africa. London : University of London Press, 2006.
 7. *Hauser Robert M.* Context and Consex: A Cautionary Tale // *American Journal of Sociology* 75. 1970. P. 645—64.
 8. *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // *American Journal of Sociology* 44. 1938. P. 1—24.
 9. *Stouffer Samuel A.* Communism, Conformity, and Civil Liberties. Gloucester, MA: Peter Smith, 1963.
 10. Избирательная комиссия Волгоградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ikvo.ru/>
 11. Волгоградская область в цифрах. Краткий статистический сборник. Волгоград, 2010.
 12. Миграционные процессы в Волгоградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.soc-work.ru/article/446
 13. *Мукомель В. И.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2.
 14. Кавказский узел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krasnodar.kavkaz-uzel.ru/articles/181446/>
 15. *Landis W.* Ethnic Attitudes of Africans and Indians // *Soc. Econ. Stud.*, 22. 1993. P. 56—81.
 16. *Сорокина И. Е.* Анализ законодательства Волгоградской области по вопросам противодействия политическому и религиозному экстремизму, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust34.ru/>
-
1. *Florida R.* The economic geography of talent, Working Paper, Heinz School of Public Policy and Management. Pittsburgh : PA Carnegie Mellon University, 2001.
 2. *Shevly E., Bell W.* Social Area AnaLysis. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1955.
 3. *Murdie R.* Factorial ecology of metropolitan Toronto, 1951—1961. University of Chicago, 1969.
 4. *Deutsch K. W.* Nationalism and its Alternatives. 1999.
 5. *Melson R., Wolpe H.* Modernization and the politics of communalism: A theoretical perspective // *Am. Political Sci. Rev.*, 64. 2000. P. 1112—1130.
 6. *Young C.* Ethnic Identity in East Africa. London : University of London Press, 2006.
 7. *Hauser Robert M.* Context and Consex: A Cautionary Tale // *American Journal of Sociology* 75. 1970. P. 645—64.
 8. *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // *American Journal of Sociology* 44. 1938. P. 1—24.
 9. *Stouffer Samuel A.* Communism, Conformity, and Civil Liberties. Gloucester, MA: Peter Smith, 1963.
 10. Izbiratelnaya komissiya Volgogradskoi oblasti [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: <http://ikvo.ru/> (data obrashcheniya : 01.10.2011).
 11. Volgogradskaya oblast v tsifrakh. Kratki statisticheski sbornik. Volgograd, 2010.
 12. Migratsionnye protsessy v Volgogradskoi oblasti [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: www.soc-work.ru/article/446 (data obrashcheniya : 01.10.2011).
 13. *Mukomel V. I.* Grani intolerantnosti (migrantofobii, etnofobii) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 2.
 14. Kavkazski uzal [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: <http://krasnodar.kavkaz-uzel.ru/articles/181446/> (data obrashcheniya : 01.10.2011).
 15. *Landis W.* Ethnic Attitudes of Africans and Indians // *Soc. Econ. Stud.*, 22. 1993. P. 56—81.
 16. *Sorokina I. E.* Analiz zakonodatelstva Volgogradskoi oblasti po voprosam protivodeystviya politicheskomu i religioznomu ekstremizmu, harmonizatsii mezhetnicheskikh i mezkhkonnessionalnykh otosheni [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: <http://minjust34.ru/> (data obrashcheniya : 01.10.2011).

© Мирошникова О.В., Щекин Г.Ю., Рева И.Е., 2011

Поступила в редакцию
в октябре 2011 г.

УДК 341.95:378.4:911.375

*И. А. Ушакова,
В. Б. Мандриков,
Д. В. Михальченко*

**ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ
В ГОРОДЕ**

На качество жизни иностранных студентов в России влияют внешние условия, межличностные отношения и персональное психологическое состояние. В ВолГМУ реализуется межкафедральная программа, которая помогает контролировать состояние медико-биологической и социально-культурной адаптации студентов-иностранцев.

Ключевые слова:

иностранцы студенты,
качество жизни,
решение проблем адаптации,
медицинские услуги.

*I. A. Ushakova,
V. B. Mandrikov,
D. V. Mikhailchenko*

FOREIGN STUDENTS IN CITY

The life quality of foreign students in Russia is depended on external environment, interpersonal relationships and individual psychological state. The VSMU is offered interdepartmental program that is helped to control the process of medicobiologic and social and cultural adaptation of foreign students.

Key words:

foreign students,
life quality,
problem solution of adaptation,
medical services.

Необходимость социокультурной адаптации обусловлена различиями в распределении и доступности духовных благ и услуг, в уровне их потребления, в характере и содержании культурной деятельности, степени активности субъекта в социокультурном взаимодействии [1, 2]. Качество жизни, будучи одним из ключевых понятий социологии, также дает понятие о том, насколько благоприятно сложилась жизненная ситуация для конкретной личности. В повседневной жизни это выражается в суждениях о состоянии здоровья, недавнем отдыхе, общих знакомых и т. д. [3].

Именно социальный компонент образа жизни становится наиболее часто используемым критерием в современной практике медико-социологических исследований и рассматривается в качестве объективной характеристики условий существования, внешнего состояния, образования, работы, быта и ряда других социальных, психологических и экономических составляющих. В связи с этим актуален контекст качества жизни, который предусматривает полноценное существование индивидуума или группы в трех жизненных сферах: внешних условиях, межличностных отношениях и персональных психологических состояниях [4, 5].

Для выявления оценки качества жизни нами был проведен опрос зарубежных учащихся Волгоградского государственного медицинского университета. В исследовании приняли участие 146 студентов первого курса 2009, 2010 гг. из Индии и Малайзии.

Важным моментом социально-психологической адаптации иностранных студентов являются условия проживания. Для основного контингента студентов (часть студентов снимает квартиры) общежитие становится основным местом пребывания в течение ряда лет. Благоприятные условия для общения, информированность о российской действительности, жизни вуза, а также межличностные отношения, складывающиеся в быту, ускоряют процесс адаптации иностранных учащихся и способствуют толерантности российских студентов. Поэтому для иностранных студентов оборудуются общежития, где оснащение комнат соответствует деятельности студентов, поддерживается определенный температурный

режим, работает штат горничных и служба охраны. По результатам опроса удовлетворены условиями проживания 80,0 % девушек и 42,2 % юношей из Малайзии, 33,4 % и 65,0 % индийских студентов соответственно.

Временные параметры культурной адаптации прямо пропорционально влияют на приспособление к экологической ситуации. Адаптация зарубежных учащихся к изменившимся географическим условиям является актуальной, поскольку этот процесс определяет возможности умственной, физической деятельности и изменения физиологических функций организма. Климатические условия считают удовлетворительными 92,0 % малайзийских и 84,0 % индийских учащихся. Однако наблюдения за иностранными студентами на протяжении ряда лет позволяют отметить, что часть из них одеты не по погоде в холодное время года, особенно девушки и юноши из Индии. Именно они в новых климатических условиях чаще других пропускают занятия по причине простудных заболеваний.

Для здоровья человека важное значение имеет качество питания, его разнообразие, а также регулярность и своевременность приема пищи. Исследования позволили выяснить, что в России основными продуктами питания для 85,2 % студентов первого курса являются рис и курица. Мясо как обязательный продукт питания отмечают 36,9 % первокурсников из Малайзии и только 10,2 % из Индии. Овощи употребляют, в среднем, 45,5 % первокурсников, хлеб — 40,5 %. Из ассортимента молочных продуктов малайзийские студенты выбирают молоко в 54,8 % случаев, масло — в 9,3 %, студенты из Индии — в 26,6 % и в 5,6 % случаев соответственно. Другие молочные продукты в числе употребляемых регулярно не указывались. Фрукты и соки включают в рацион питания 40,3 % девушек и 25,7 % юношей из Малайзии, 15,2 % юношей из Индии. Практически все индийские студенты привозят с собой из дома приправы к пище для пополнения вкусовых ощущений.

Качество приобретаемых продуктов устраивает 98,0 % малайзийских и 95,7 % индийских учащихся. Однако хотели бы получать посылки с продуктами питания из дома 60,0 % девушек и

Об авторах:

Ушакова Ирина Анатольевна — кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры физической культуры, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), irinayshakova1@mail.ru

Ushakova Irina Anatolyevna — Candidate of Biology Science, Senior Professor of physical education department, Volgograd State Medical University (VSMU)

Мандриков Виктор Борисович — доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), vbmandrikov@vlgmed.ru

Mandrikov Viktor Borisovich — Doctor of Pedagogic Education, Professor, First Provost, Volgograd State Medical University (VSMU)

Михальченко Дмитрий Валерьевич — кандидат медицинских наук, доцент, заведующий фантомным курсом, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), pin177@rambler.ru

Mikhailchenko Dmitri Valerevich — Candidate of Medical Science, Assistant Professor, head mistress of phantom course, Volgograd State Medical University (VSMU)

73,9 % малайзийских юношей, 22,2 % девушек и 30,0 % индийских юношей, что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном количестве и разнообразии в питании зарубежных учащихся. Ограничивают себя в еде по религиозным убеждениям 80,0 % студенток и 69,6 % студентов из Малайзии и, соответственно, 33,3 и 35,0 % — из Индии.

Главными агентами социализации иностранных студентов в вузах являются преподаватели — и как носители профессиональных ценностей, и как представители культуры, в том числе и языковой. Эффективность выполнения агентами социализации своей роли обусловлена, в первую очередь, их профессионализмом. Для того чтобы образование иностранных студентов считалось полноценным, педагогу, работающему с ними, необходимо, помимо языка, овладеть умением работать с многонациональным составом учебного коллектива, для чего, как минимум, необходимо изучить этнопедагогические особенности и потенциал той этнической группы, с которой он работает. Трудности при общении в аудитории у иностранных учащихся возникают, прежде всего, при отсутствии доброжелательного отношения со стороны преподавателя.

Отношения с педагогами вуза оценивают на «неудовлетворительно» только 11,1 % первокурсников из Индии, но, вместе с тем, 26,1 % всех респондентов отмечают, что общение с преподавателями — одна из наибольших трудностей во время обучения в вузе.

Успешность обучения иностранных студентов в российском вузе зависит от их взаимоотношений с однокурсниками, особенно внутри студенческой группы, с одной стороны, и от их отношения к учебному процессу в целом, с другой. Результаты исследования подтвердили, что 15,0 % малайзийских девушек и 4,3 % юношей хотели бы улучшить отношения в учебной группе. При этом отмечают, что им не хватает друзей, 40,0 % девушек и 13,0 % юношей из Малайзии и 11,1 % всех студентов из Индии.

Одна из наиболее значимых проблем для иностранных студентов — учеба. Среди числа студентов, которые не беспокоятся о своей учебе, были выявлены 4,3 % малайзийских и 10,2 % индийских юношей.

Еще одной из проблем для студентов из-за рубежа является языковой барьер. Считают, что их уровень владения русским достаточен для получения образования, 34,6 % респондентов, 75,3 % из них, то есть большинство, изучали русский на подготовительном отделении российского вуза и только 10,9 % — у себя на родине. Незнание языка сказывается как на процессе обучения, так и на повседневном общении. Чувствуют напряжение при общении с русскоязычным населением 88,5 % малайзийских и 76,4 % индийских учащихся, при этом указывая на трудности социально-психологического характера. У большинства студентов уровень языковой компетентности недостаточен для нормальной учебной деятельности: им трудно работать с учебной литературой, воспринимать лекционный материал, отвечать в устной форме. Важно отношение иностранного студента к языковой проблеме, и здесь возможны несколько вариантов: русский язык как самостоятельная ценность; русский язык как необходимое средство для приобретения профессии; русский язык как препятствие в приобретении профессии. Проблема плохого владения русским языком требует необходимости улучшить систему довузовской подготовки иностранных студентов.

Тот язык, которому учат в вузе, ориентирован в основном на восприятие и усвоение профессиональных знаний. Язык обыденный изучается студентами преимущественно самостоятельно, что вызывает определенные трудности в контактах с местным населением.

Важным моментом, способствующим более быстрой адаптации, является взаимодействие студентов с представителями своей национальности. Старшекурсники помогают приехавшим изучить русский язык, знакомят со своим окружением, первое время постоянно находятся рядом. Почти четверть опрошенных студентов отмечают активную роль землячеств в решении их проблем.

В свободное от учебы время 87,7 % иностранных студентов предпочитают общаться с друзьями, смотреть записи кинофильмов и слушать музыку на родном языке, 96 % согласны заниматься физическими упражнениями и участвовать в оздоровительных мероприятиях, но только если спортивные сооружения расположены рядом с местом проживания.

На вопрос «Изменился ли Ваш образ жизни после приезда в Россию?» большинство иностранных девушек давали ответ «частично», юноши чаще отвечали «полностью». Вместе с тем отличалась причина таких изменений у малайзийских и индийских учащихся. Малайзийские студенты в порядке значимости указывали:

- 1) климатические условия;
- 2) питание, нарушение режима приема пищи;
- 3) новую культуру, различие ценностей;
- 4) контроль знаний, приводящий к психологическому дискомфорту;
- 5) самостоятельность в решении проблем (ответ в большей степени характерен для юношей);
- 6) слишком длительное обучение, тоска по дому;
- 7) общение с людьми из других стран, появление новых друзей.

Для индийских студентов причины изменения образа жизни следующие:

- 1) климатические условия, недостаток одежды;
- 2) питание, непривычная еда;
- 3) трудности с учебой, нельзя «учиться плохо»;
- 4) языковые трудности;
- 5) мало свободного времени;
- 6) появление новых друзей;
- 7) отсутствие рядом родителей.

Таким образом, данные социологического исследования помогли сделать вывод о том, что процесс адаптации иностранных студентов ВолгГМУ к пребыванию в инонациональной среде затруднен следующими факторами:

- 1) климатическими условиями;
- 2) изменениями в питании;
- 3) лингвистическими проблемами;
- 4) наличием напряженности в общении с преподавателями;
- 5) проблемами общения с русскоязычным населением;
- 6) беспокойством за успешность обучения (что сказывается на психологическом и физическом состоянии).

В результате многолетней практики работы с зарубежными студентами сотрудниками кафедры физической культуры ВолгГМУ разработана система

оздоровительных и спортивных мероприятий, позволяющих решить многие проблемы, связанные с адаптацией иностранных студентов к условиям проживания в Поволжском регионе. С 2003 г. для всех желающих на спортивной базе кафедры два раза в неделю проводится «Час здоровья», где можно заниматься атлетической гимнастикой, баскетболом, волейболом, армспортом, дартсом, настольным теннисом. Занимаясь в группах спортивного совершенствования, иностранные студенты повышают техническую и специальную физическую подготовку в избранном виде спорта, что позволяет им успешно выступать в составе сборных команд университета в соревнованиях различного масштаба.

В связи с ежегодным участием малайзийских студентов в международных соревнованиях организована работа нетрадиционных для российского вуза спортивных секций по нетболу, крикету, такро. В период зимней сессии и в каникулярное время согласно плану работы кафедры физической культуры и спортивного клуба ежедневно проводятся занятия и соревнования по различным видам спорта. В летний период зарубежные студенты имеют возможность укрепить здоровье и повысить спортивное мастерство в оздоровительно-спортивном лагере ВолгГМУ.

Сборные команды иностранных студентов принимают участие в соревнованиях, посвященных Дню первокурсника, в Рождественских турнирах, Дню победы в Сталинградской битве, Международному женскому дню 8 марта и др., на которых объясняется смысл и значимость данных мероприятий.

Прием администрацией университета лучших зарубежных студентов, награждение грамотами и ценными призами победителей турниров, организация чаепития, фотографирование вместе с представителями администрации вуза являются хорошим стимулом к регулярным занятиям физической культурой и спортом на протяжении всего периода обучения в вузе.

В ВолгГМУ обобщен более чем 40-летний опыт обучения зарубежных студентов, составлена и реализуется межкафедральная программа «Медико-биологические, культурологические и педагогические аспекты адаптации иностранных студентов в инонациональной и новой метеогеографической среде» [6]. Это позволило изменить некоторые основы учебно-организационной, учебно-методической и внеучебной работы, контролировать состояние медико-биологической и социально-культурной адаптации студентов-иностранцев. В рамках данной программы изучался характер обратной связи в системе приобщения иностранцев к российской культуре. Были использованы различные методики. Это, во-первых, результаты эмоционального опыта общения, рационализированные с помощью тестирования самих преподавателей; во-вторых, метод наблюдения, в том числе включенного наблюдения (хотя он имеет свои существенные недостатки, в основном нравственно-этического плана, но применяется довольно широко); в-третьих, психологическое исследование с помощью метода «репертуарных решеток»; в-четвертых, метод контент-анализа, который позволяет не только зафиксировать интересующие нас моменты, но и выявить элементы лжеадаптации, проанализировать установку на позитивное присвоение иной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Боронина Л. Н., Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В.* Адаптация первокурсника: проблемы и тенденции // Университетское управление: практика и анализ. 2001. № 4(19).
 2. *Шпак Л. Л.* Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации : дисс... д-ра социол. наук. Кемерово, 1992. 398 с.
 3. *Shen S. M., Lai Y. L.* Handling incomplete quality of life data // *Social Indicators Research*. 2001. Vol. 55. P. 121—166.
 4. *Флоренская Ю.* Качество жизни и здоровье населения // *Биология*. 2004. № 5, 6, 7.
 5. *Bochner S., McLeod B. M., Lin A.* Friendship patterns of overseas students: a functional model // *International Journal of Psychology*, 12, 277—97, 1977.
 6. *Ушакова И. А., Мандриков В. Б.* Роль агентов здоровьесбережения иностранных студентов в образовательном пространстве медицинского вуза // Сб. науч. тр. «Вестник Волгоградского медицинского университета». 2011. № 6 (38). С. 58—60.
-
1. *Boronina L. N., Vishnevski Yu. R., Didkovskaya Ya. V.* Adaptatsiya pervokursnika: problemy i tendentsii // *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*. 2001. № 4(19).
 2. *Shpak L. L.* Sotsiokulturnaya adaptatsiya: sushchnost, napravleniye, mekhanizmy realizatsii : diss...d-ra sotsiol. nauk. Kemerovo, 1992. 398 s.
 3. *Shen S. M., Lai Y. L.* Handling incomplete quality of life data // *Social Indicators Research*. 2001. Vol. 55. P. 121—166.
 4. *Florenskaya Yu.* Kachestvo zhizni i zdorove naseleniya // *Biologiya*. 2004. № 5, 6, 7.
 5. *Bochner S., McLeod B. M., Lin A.* Friendship patterns of overseas students: a functional mode // *International Journal of Psychology*, 12, 277—97, 1977.
 6. *Ushakova I. A., Mandrikov V. B.* Rol agentov zdorovesberezheniya inostrannykh studentov v obrazovatelnom prostranstve meditsinskogo vuza // *Sb. nauch. tr. «Vestnik Volgogradskogo meditsinskogo universiteta»*. 2011. № 6 (38). С. 58—60.

© Ушакова И. А., Мандриков В. Б., Михальченко Д. В., 2011

Поступила в редакцию
в ноябре 2011 г.

УДК 378.046

Ю. А. Черникова

**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
ФОРМА НЕПРЕРЫВНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Анализируется дистанционное образование, которое является важнейшей институциональной формой непрерывного образования в современной России.

Ключевые слова:

дистанционное образование, непрерывное образование, мотив.

Yu. A. Chernikova

**DISTANCE EDUCATION
AS AN INSTITUTIONAL FORM
OF LIFELONG EDUCATION
OF URBAN POPULATION**

In the article distance education, which are the most important institutional form of lifelong education of modern Russia, are analysed.

Key words:

distance education, lifelong education, motive.

Об авторе:

Черникова Юлия Александровна — старший преподаватель кафедры философии, социологии и психологии ВолГАСУ, soleil78@rambler.ru

Chernikova Yulia Alexandrovna — Assistant of Philosophic, sociology and psychology VSUACE

Одним из важнейших признаков, характеризующих развитие современного общества, является повышение требований к уровню и качеству профессиональной подготовки. Это требование связано со стремительным развитием производительных сил и появлением новых технологий, которые требуют через каждые 5—7 лет кардинального обновления профессиональных знаний. Необходимость непрерывного переучивания вызвала к жизни идею непрерывного образования, которое реализуется в различных институциональных формах, в том числе и в дистанционном образовании.

Дистанционное образование (ДО) как разновидность непрерывного профессионального образования занимает на рынке образовательных услуг особое место. ДО имеет ряд преимуществ, а именно то, что может наиболее адекватно и гибко реагировать на потребности общества. Система дистанционного образования соответствует логике развития системы образования и общества в целом, где во главу угла ставятся потребности каждого отдельного человека. При этом система дистанционного образования может выступать не только инструментом удовлетворения, но и инструментом формирования образовательных потребностей человека в соответствии с интересами общества.

На наш взгляд, наиболее востребована данная форма обучения в различных группах городского населения. Это обусловлено тем, что в городах лучше развиты информационные сети, возможности использования информационно-коммуникационных технологий, и, кроме того, более высокий уровень жизни позволяет горожанам пользоваться благами современной цивилизации. Учитывая это, мы попытаемся осуществить анализ тенденций и перспектив развития дистанционной формы образования и оценить его роль в формировании жизненных планов горожан.

Хотя дистанционное образование возникло в XXI в., его предпосылки сложились гораздо раньше. Прообразом дистанционного образования является заочное образование, существующее уже около 150 лет. В России создателем открытого и заочного профессионального образования принято считать Карла Карловича Мазинга — известного математика, инженера и

педагога, председателя Московского отделения Императорского русского технического общества. От традиционной, очной формы обучения дистанционная (заочная) выгодно отличается наличием современных технических средств, систем коммуникации, возможностью сравнительно быстро получать необходимые учебные материалы, взаимодействием с преподавателем и консультантом в режиме реального времени. В настоящее время хорошо зарекомендовала себя электронная форма предоставления материалов. Появление Интернета и спутникового телевидения позволяет приблизить информационно-справочные материалы к пользователю, находящемуся в любой точке страны [1].

В России, по данным анкетирования вузов, проведенного ЦИАН Минобразования России в конце 1999 г., 85 вузов заявили о том, что они ведут ДО или планируют освоение технологий ДО в ближайшем будущем [2].

Важным элементом ДО в России является его региональная структура. Помимо того что центральные вузы создают в регионах свои филиалы и представительства, на местах разворачивается работа по местным программам развития образования. Опыт наиболее продвинутых вузов (Удмуртский государственный университет, Новосибирский государственный технический университет, Дальневосточный государственный университет и др.), реализующих ДО, свидетельствует, что развитие дистанционного образования на региональной основе способно решить проблемы, препятствующие интенсификации непрерывной образовательной деятельности [3]. К их числу относятся, во-первых, проблема доступности высшего образования малообеспеченным слоям населения. В связи с современным экономическим кризисом даже традиционное заочное образование с регулярными сессиями и необходимостью поездок для многих становится недоступным. Развитие системы коммерческих вузов тем более не спасает ситуации, т. к. платное образование полностью доступно лишь 9,3 % молодежи, а частично оплачиваемые формы — 26,5 % молодых людей. Для 50 % платное образование недоступно ни в какой форме [4].

Во-вторых, дистанционная форма образования создает дополнительные возможности для более полной социальной адаптации лиц с физическими недостатками и инвалидов. Поскольку данная категория людей ведет, как правило, малоподвижный образ жизни, им чрезвычайно сложно вписаться даже в заочную систему обучения. Дистанционное образование в данном случае позволит полноценно работать в удобное для пользователя время по индивидуальному плану в подходящем темпе и ритме в соответствии с духовными и профессиональными потребностями человека.

В-третьих, в ситуации экономического кризиса значительная часть трудоспособного населения потеряла возможность трудиться по специальности и испытывает острую необходимость в переквалификации. Количественную характеристику этой группы населения легко установить по общим статистическим данным. Известно, например, что численность экономически активного населения России на 2002 г. составляла 72,2 млн чел., из них 9 млн (более 12 %) оказались безработными и активно искали возможности для трудоустройства, причем около 40 % от общего числа безработных имели высшее или среднее специальное образование [5]. Это существенная доля интеллектуального потенциала страны, которая в принципе может использовать для своей профессиональной переподготовки систему дистанционного образования и тем самым снизить число безработных.

Перечисленные достоинства и возможности использования дистанционной формы обучения позволяют выявить группы потенциальных потребителей дистанционных образовательных услуг. Качественная типология таких групп приводится в исследовании В. М. Филиппова, В. П. Тихомирова, Ж. Н. Зайцевой и др. и включает в себя следующие социальные категории: абитуриенты дневных отделений государственных вузов, студенты вузов, учителя средних общеобразовательных школ, сотрудники государственных органов власти и управления, менеджеры предприятий различных форм собственности, безработные, лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды), офицеры Министерства обороны РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной пограничной службы РФ, сотрудники предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) [6].

Количественные размеры этой группы потенциальных потребителей ДО могут быть получены через оценку предпочтений, обеспеченных достоинствами системы дистанционного образования. К их числу относятся: 1) возможность совмещения учебы и работы; 2) предоставление индивидуального графика учебы; 3) удовлетворение образовательных потребностей людей с ограниченными возможностями здоровья.

Для всех перечисленных категорий самым существенным условием является возможность совмещения учебы и работы. В необходимости совмещать учебу и работу нуждается 45 % опрошенных студентов вузов, свыше 35 % сотрудников органов государственной власти и управления, свыше 30 % учителей, около 20 % опрошенных инвалидов, что может свидетельствовать как о желании сохранить за собой рабочее место, так и о низком уровне жизни населения.

В опрошенных социальных категориях от 10 до 20 % респондентов нуждаются в предоставлении им возможности составлять индивидуальное расписание занятий; свыше 20 % учителей, сотрудников государственных органов власти и управления, студентов считают необходимым условием своего обучения учет их уровня образования и профессиональных интересов при формировании учебных программ.

Образовательные потребности людей, лишенных возможности регулярно посещать учебное заведение вследствие ограниченных возможностей здоровья, могут быть удовлетворены при расширении сети учебных заведений (в том числе специализированных для инвалидов), а также распространении такой формы обучения, которая не предполагает посещения учебного заведения. 12 % лиц с ограниченными возможностями здоровья (221 тыс. чел.) хотели бы учиться, не выходя из дома, что, в основном, связано с недостаточной адаптацией объектов социальной инфраструктуры к особым нуждам инвалидов.

Необходимо добавить, что возможность обучения в домашней обстановке привлекает также представителей других социальных категорий городского населения: в этом нуждается 8,8 % учителей (138 тыс. чел.), 7,5 % студентов (120 тыс. чел.), 6,9 % безработных лиц (517 тыс. чел.), 4,2 % сотрудников государственных органов власти и управления (69 тыс. чел.). Образовательные потребности этих групп населения могут быть удовлетворены только с помощью технологий ДО.

Если обобщить число лиц, которые в качестве критерия выбора выдвинули реализацию хотя бы одного из основных свойств ДО — открытости, гибкости, дистанционности, возможности совмещения учебы и основной деятельности, то их количество составит 98 %. В этой связи можно считать, что население в целом заинтересовано в дистанционной форме обучения. Результаты, на которые мы ссылаемся, получены в 1999 г., и важно отметить, что они подтверждены данными 2009 г., полученными пермскими учеными [7]. Согласно их исследованию, основными мотивами выбора формы получения высшего образования городскими студентами являются следующие, %:

возможность совмещать работу и учебу — 80,5;

гибкость системы обучения — 63;

возможность избежать службы в армии — 36;

географическая удаленность от учебного заведения (возможность обучаться на расстоянии) — 26;

использование большого количества информационно-коммуникационных средств обучения — 25,5.

В статье В. Н. Стегний и Г. А. Черновалова приводится также иерархия оценок, которые дают потребители ДО, и здесь выделяется интересный факт. Основная доля населения, заинтересованного в потреблении образовательных услуг (59 %), считает эффективным средством обучения личное общение с преподавателем [7]. При дистанционном обучении образовательные программы, которые привлекут эту часть потенциальных потребителей, должны быть рассчитаны на применение разнообразных средств обучения, но при этом обеспечивать обучаемому обязательную обратную связь (в форме сессий, тьюториалов, телефонных консультаций, консультаций по электронной почте и др.), т. е. быть интерактивными. Таким образом, дистанционные образовательные услуги по-новому ставят вопрос о лично значимом влиянии преподавателя на образовательные технологии ДО.

Помимо отмеченных достоинств и возможностей дистанционного образования, необходимо выделить ряд трудностей, сдерживающих в настоящее время развитие данной формы обучения: 1) компьютерная неграмотность обучающихся; 2) недостаточный уровень развития личностных качеств — способности к самообразованию и самоконтролю; 3) недостаточный уровень владения ИКТ преподавателями.

Как уже отмечалось выше, формы ДО разнообразны: от «кейсовой» технологии до спутникового образовательного телевидения. Их применение показывает, что в настоящее время новейшие средства информатики и телекоммуникации позволяют учащимся осуществлять выбор предметов для изучения, а также определять уровень сложности каждого из них, исходя из своих жизненных интересов, планов и профессиональных перспектив.

Понятно, что если студенту приходится пользоваться дистанционной технологией образования, включающей спутниковые телелекции, аудиокурсы, электронное тестирование, обучение по Интернет, ведение электронных индивидуальных учебных досок и т. д., то ему необходимо хорошо владеть соответствующими техническими средствами, прежде всего компьютером. Однако, как показывают исследования, большинство респондентов являются обычными пользователями ПК на самом элементарном уровне, т. е. используют компьютер в своей учебной деятельности в качестве печатной машинки [8].

Важным отличием дистанционной модели от традиционной является развитие личностных качеств обучаемого, в частности его способности к непрерывному образованию и самообразованию, что соответствует реализации одной из тенденций современного образования. «Основная задача дистанционного обучения — создание условий для формирования самостоятельной когнитивной деятельности учащихся в развитой учебной среде, базирующейся на компьютерных и телекоммуникационных технологиях» [9]. Однако результаты исследований показали следующее. Студенты дистанционной модели образования отнюдь не рассчитывают на собственные силы. На самостоятельное решение поставленной задачи надеются только 36 % опрошенных. Доминантной в этом ряду стала группа респондентов, готовых принять помощь при возникновении трудностей в учебе — она составила 51 %. Только на помощь «нужных людей» надеется 13 %. Лишь 39 % опрошенных тщательно учат предмет, сдают задания без помощи уловок, 10 % рассчитывают на помощь шпаргалки, 11 % полагаются на авось, не прикладывают особых усилий для сдачи экзаменов и зачетов [8].

В связи с этим следует подчеркнуть, что при организации обучения с использованием дистанционных технологий важную функцию выполняет самоконтроль, т. к. основную часть учебной нагрузки обучаемый должен выполнять самостоятельно. Среди опрошенных 51 % пытается осуществлять самоконтроль. Но, к сожалению, эти попытки не всегда доходят до конечного результата. Очень часто возникают психологические проблемы, которые студент преодолеть не может, т. е. ему необходим дополнительный стимул со стороны, выраженный либо в назидательной форме, либо в «карающей». Другая категория студентов (15 %) даже не пытается контролировать себя и следовать учебному плану, учить лекционный материал. Еще 14 % студентов дожидаются некоторого временного отрезка перед отчетным периодом и только тогда начинают готовиться к предстоящему контролю. Только 20 % опрошенных на деле осуществляют самоконтроль учебного процесса, выраженный в систематическом выполнении всех типов учебных поручений. На наш взгляд, это также может выступать в качестве психологического барьера на пути становления ДО [8].

Кроме того, необходимо обратить внимание на еще один важный момент. Дистанционная форма обучения — это модель организации учебного процесса, основу которой составляет активное использование современных информационно-коммуникационных технологий не только студентами, но и преподавателями. Современные преподаватели высшей школы должны владеть умениями грамотно пользоваться новыми формами и методами обучения, создавать электронные учебно-методические ресурсы, практиковать навыки использования современных средств связи, с помощью которых осуществляется интерактивное общение со студентами. Как показывает исследование, преподаватели, работающие с помощью данной технологии, в основном пользуются привычными и отработанными по своей методике лекциями — 93 %. Такие важные ресурсы, как примеры решения задач (35 %), список рекомендуемой литературы (33 %), рабочая программа дисциплины и дополнительные источники (по 25 % соответственно), разработаны недостаточно. Практически не используются «кейсы» (15 %), интерактивные трена-

жеры (6 %), глоссарий (3 %) и методические рекомендации для выполнения курсовых (контрольных) работ (14 %) [7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В российских условиях система дистанционного образования способна решить ряд важных социально-экономических проблем.

На наш взгляд, развитию системы ДО в России мешает следующее противоречие: с одной стороны — высокая заинтересованность в дистанционной форме обучения со стороны различных социальных групп городского населения, а с другой — низкий уровень знаний, умений и навыков, необходимых для использования информационно-коммуникационных технологий как студентам, так и преподавателям. В современной России Интернет используют не более 4,2 % взрослого населения [10]. В результате этого дистанционная модель остается пока не полностью востребованной.

Традиционная форма организации обучения, где в основе лежит живое интерактивное общение преподавателя и обучающегося, пока доминирует в образовательных потребностях студентов. Кроме того, школьное образование не предлагало альтернативу занятиям с педагогом, и, как следствие, для студентов характерны привычка к классическим и сложность адаптации к современным методам обучения, поскольку последние рассчитаны, прежде всего, на самостоятельное овладение учебным материалом.

Кроме того, развитие ДО сдерживается несовершенством законодательной и нормативной базы, психолого-педагогической непроработанностью узловых проблем дидактики, основанной на новых технологиях, отставанием в подготовке педагогических кадров, готовых к использованию ИКТ, низким материальным стимулированием преподавателей, недостаточным количеством компьютерной техники, неразвитостью информационных сетей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тихомиров В. П. Основные принципы построения системы дистанционного образования России // Дистанционное обучение. 1998. № 1. С. 4—9.
2. Модель открытого образования [Электронный ресурс] // Одопортал.ру: [сайт]. Режим доступа: <http://academy.odoport.ru/documents/akadem/bibl/Russia/1.html>.
3. Овсянников В. И., Густырь А. В. Введение в дистанционное образование [Электронный ресурс] // Одопортал.ру: [сайт]. Режим доступа: <http://academy.odoport.ru/documents/akadem/bibl/Russia/1.html>.
4. Литвиненко Л. Л. Личность в социокультурном пространстве непрерывного образования : дисс... д-ра философ. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 128.
5. Российский статистический ежегодник. М., 2002.
6. Филиппов В. М., Тихомиров В. П., Зайцева Ж. Н. Открытое образование — стратегия XXI века для России. М. : МЭСИ, 2000.
7. Стегний В. Н., Черновалов Г. А. Преподаватель высшей школы и дистанционные образовательные технологии // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 94—98.
8. Прокopenко Ю. А., Бакшеева Л. М. Потребности студентов в дистанционной модели образования // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 68—73.
9. Соловов А. В. Мифы и реалии дистанционного обучения // Инновации в образовании. 2004. № 2. С. 82—89.
10. Пичугина Н. В. Дистанционные способы предоставления образовательных услуг в условиях реформирования системы образования : автореф... канд. социол. наук. М., 2002.

1. *Tikhomirov V. P.* Osnovnye printsipy postroeniya sistemy distantsionnogo obrazovaniya Rossii // Distantionnoe obuchenie. 1998. № 1. S. 4—9.
2. Model otkrytogo obrazovaniya [Elektronny resurs]// Odoportal.ru: [sayt]. Rezhim dostupa: <http://academy.odoportal.ru/documents/akadem/bibl/Russia/1.html>. (data obrashcheniya: 27.11.2011).
3. *Ovsyannikov V. I., Gustyr A. V.* Vvedenie v distantsionnoe obrazovanie [Elektronny resurs] // Odoportal.ru: [sayt]. Rezhim dostupa: <http://academy.odoportal.ru/documents/akadem/bibl/Russia/1.html>. (data obrashcheniya: 27.11.2011).
4. *Litvinenko L. L.* Lichnost v sotsiokulturnom prostranstve nepreryvnogo obrazovaniya : diss... d-ra filosof. nauk. Rostov n/D, 2003. S. 128.
5. Rossiyski statisticheski ezhegodnik. M., 2002.
6. *Filippov V. M., Tikhomirov V. P., Zaytseva Zh. N.* Otkrytoe obrazovanie — strategiya XXI veka dlya Rossii. M. : MESI, 2000.
7. *Stegni V. N., Chernovalov G. A.* Prepodavatel vysshei shkoly i distantsionnye obrazovatelnye tekhnologii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2011. № 7. S. 94—98.
8. *Prokopenko Yu. A., Baksheeva L. M.* Potrebnosti studentov v distantsionnoy modeli obrazovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2007. № 3. S. 68—73.
9. *Solovov A. V.* Mify i realii distantsionnogo obucheniya // Innovatsii v obrazovanii. 2004. № 2. S. 82—89.
10. *Pichugina N. V.* Distantionnye sposoby predostavleniya obrazovatelnykh uslug v usloviakh reformirovaniya sistemy obrazovaniya : avtoref... kand. sotsiol. nauk. M., 2002.

© Черникова Ю. А., 2011

*Поступила в редакцию
в декабре 2011 г.*

УДК 316: 61

*А. Д. Доника,
В. А. Мажаренко,
А. О. Чахоян*

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К СОХРАНЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ СТУДЕНТОВ В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ

Обсуждаются результаты медико-социологического исследования формирования мотивации на сохранение здоровья молодежи в крупном промышленном городе на модели типичной для него социальной группы студентов. Исследование показало, что нельзя навязать здоровый образ жизни извне, необходимы мероприятия психолого-педагогического сопровождения, направленные на формирование мотивации на сохранение здоровья как важного фактора обеспечения социальной дееспособности.

Ключевые слова:

социальная группа,
индивидуальное здоровье,
социальная дееспособность.

*A. D. Donika,
V. A. Mazharenko,
A. O. Chakhoyan*

FORMATION OF MOTIVATION ON PRESERVATION OF HEALTH OF SOCIAL GROUP OF STUDENTS IN BIG INDUSTRIAL TOWN

In the article the results of medico-social research of formation of motivation on preservation of health of a youth population in big industrial town are discussed on the model of typical for it social groups of students. The research is shown, that it is not allowed to obtrude the simple life and the actions of psychology-pedagogical support directed on formation of perception of the healthy way of life as important factor of preservation of health and social capacity are necessary.

Key words:

social group,
individual health,
social efficiency.

В многофакторном концепте генеза цивилизации обеспечение здоровья человека является одним из приоритетов, представляющих исследовательский интерес в проблемном поле разных наук (медицины, философии, права, социологии). Само понятие «здоровье» давно не рассматривается в узкоспециальном медицинском смысле, а расширено за счет включения в его содержание социальных, психологических и социально-экономических аспектов. Построение гражданского общества, к которому стремится прогрессивное человечество, немислимо без приоритета такого естественного права человека, как право на жизнь и здоровье, а гарантия его обеспечения и качественные показатели его реализации определяют уровень развития социального государства. В то же время обеспечение здоровья нации не может рассматриваться только с позиций экономических затрат, безусловно важным элементом реализации государственных программ в этом направлении является формирование в ценностной системе социума устойчивой мотивации к обеспечению индивидуального здоровья.

Особое значение в данном контексте представляет отношение к своему здоровью социальной группы студентов, представляющей творческий, трудовой, интеллектуальный потенциал общества. Учитывая, что наличие репрезентативной социальной группы студентов характерно только для крупного промышленного города, мы провели комплексное исследование формирования ценностных установок студентов в процессе их социализации во время обучения в вузе на модельной группе студентов г. Волгограда — крупного промышленного и культурно-образовательного центра Поволжья. Модельная группа студентов представлена юношами и девушками в возрасте от 19 до 22 лет, взятыми в паритетном отношении.

Для изучения реальных характеристик образа жизни студентов был проведен социологический опрос с использованием авторской анкеты, разработанной на основе анкеты-вопросника программы «CINDI».

Полученные результаты свидетельствуют о выраженной деформации основных элементов режима дня исследуемой выборки. Так, продолжительность ночного сна у 58,8 % опрошенных

составляет менее 7 ч, на свежем воздухе 37,3 % опрошенных проводят не более 1—2 ч в сутки. В режиме питания также были выявлены дефекты: 38,4 % студентов ответили, что едят менее 3 раз в день, 38,6 % принимают пищу в основном 1 раз в день — в обед, 44,3 % — перед сном.

Интересно, что практически каждый четвертый студент (23,3 %) редко смотрит телевизор (менее 1—2 ч в день), а 16,6 % не смотрят его вообще. В то же время за компьютером студенты в среднем проводят 2—3 ч в день, а 35,6 % студентов — более 4—5 ч, при этом занятия часто носят развлекательный характер (общение в интернет-чатах, игры).

Изучение отношения к занятиям физкультурой и спортом вне учебного времени показало, что 34,5 % опрошенных не занимаются физкультурой, 25,6% делают утреннюю гимнастику, 55,4 % опрошенных посещают спортивные секции, фитнес-клубы, залы аэробики ($p < 0,05$ между аналогичным показателем не занимающихся физкультурой во внеучебное время).

Исследование отношения студентов к курению и алкоголю показало, что пагубные привычки широко распространены в студенческой среде. Согласно полученным результатам, 86,4 % опрошенных студентов (84,2 % девушек и 91,2 % юношей, $p < 0,05$) употребляют алкоголь, в подавляющем большинстве — пиво и газированные алкогольные напитки. В среднем 42,2 % респондентов курит (36,4 % девушек и 45,2 % юношей, $p < 0,05$), из них большинство (62,3 %) — 15—20 сигарет в день.

Обращает внимание отсутствие гендерных различий полученных результатов ($p < 0,05$ между показателями девушек и юношей). Видимо, это негативное проявление общей тенденции уменьшения гендерных различий в ролях, связанной с расширением участия женщин в общественном производстве, повышением их социального и правового статуса. Женщины стали практиковать поведение, которое ранее было приемлемым только для мужчин. Один из компонентов этой общей либерализации норм, касающихся поведения женщин, увеличил социальную приемлемость их курения, употребления алкоголя [1].

Об авторах:

Доника Алена Дмитриевна — кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), addonika@yandex.ru

Donika Alena Dimitriyevna — Candidate of Medical Science, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Assistant Professor of mobilization training of public health service and disaster medicine department, Volgograd State Medical University (VSMU)

Мажаренко Валерий Александрович — кандидат медицинских наук, ассистент кафедры ортопедической стоматологии, Ставропольская государственная медицинская академия, mazharenko@yandex.ru

Mazharenko Valeri Alexandrovich — Candidate of Medical Science, Assistant of prosthetic dentistry department, Stavropol State Medical Academy

Чахоян Анаида Ованесовна — акушер-гинеколог, Женская консультация МУЗ ГП (городская поликлиника) № 27 г. Краснодара docMVN@rambler.ru

Chakhoyan Anaida Ovanesovna — obstetrician-gynecologist, Krasnodar Maternity Welfare Center МНСI МР (Municipal Polyclinic) № 27

Следовательно, образ жизни студентов исследуемой выборки имеет серьезные дефекты: нарушение режима труда и отдыха, нарушение режима питания, употребление слабоалкогольных напитков подавляющим большинством студентов, курение. С нашей точки зрения, во многом это обусловлено безответственным отношением к своему здоровью, отсутствием осознанно сформированных элементов здорового образа жизни. Обращает внимание популярность в студенческой среде ($p < 0,05$ между показателями девушек и юношей) занятий в фитнес-клубах, что свидетельствует о влиянии в молодежной среде «социально полезной моды».

Отсутствие у студентов убежденности в негативном влиянии алкоголя и табакокурения, необходимости соблюдения режима питания, труда и отдыха, безусловно, снижает как эффективность их профессиональной реализации, так и в целом качество жизни [2].

Неадекватное отношение к организации жизни студентов, несомненно, является фактором риска ухудшения состояния здоровья, в связи с чем мы включили в задачи настоящего исследования скрининговую оценку соматического здоровья рассматриваемой когорты с последующим анализом рефлексии исследуемых по отношению к своему физическому состоянию.

Согласно результатам проведенного исследования по методике Г. Л. Апанасенко, исследуемая когорта практически равномерно распределена на три группы, соответствующие трем оценочным градациям уровня соматического здоровья: «низкий», «ниже среднего» и «средний» $p > 0,05$ (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Оценка уровня соматического здоровья студентов младших курсов

Уровень здоровья	Студенты 2 курса, %			Студенты 3 курса, %		
	Юноши	Девушки	Общий	Юноши	Девушки	Общий
Низкий	30,88	43,2	37,9	45,0	46,0	45,73
Ниже среднего	26,88	35,2	31,6	45,08*	28,8*	34,02
Средний	42,24	31,6	30,5	10,0*	25,2*	20,25
Выше среднего	—	—	—	—	—	—

* $p < 0,05$

Таблица 2

Оценка уровня соматического здоровья студентов старших курсов

Уровень здоровья	Студенты 4 курса, %			Студенты 5 курса, %		
	Юноши	Девушки	Общий	Юноши	Девушки	Общий
Низкий	28,08	17,5	20,79	33,6	30,38	30,96
Ниже среднего	37,6	31,25	32,93	49,8*	30,38*	34,4
Средний	28,08*	48,75*	42,72	16,61*	34,72*	30,96
Выше среднего	6,24	2,5	3,56	—	4,52	3,67

* $p < 0,05$

Общая оценка соматического здоровья девушек более благоприятна: девушек со «средним» уровнем здоровья больше, а с уровнем здоровья «ниже среднего» меньше, чем юношей ($p < 0,05$). В целом экспресс-оценка соматического здоровья студентов свидетельствует о его низком уровне: в среднем не более 25,4 % юношей и 32,2 % девушек имеют «средний» уровень, «высокий» почти не регистрируется (0...4,3 %).

Наблюдается положительная динамика: оценка соматического здоровья у студенток на старших курсах более благоприятна, чем на младших (табл. 2). На 2-м и 3-м курсах больше девушек с «низким» и меньше со «средним» уровнем здоровья, чем на 4-м и 5-м курсах ($p < 0,05$). На младших курсах большинство студенток имеют «низкий», а на старших — «средний» уровень здоровья (см. табл. 1). Наблюдаемая тенденция, возможно, обусловлена включением механизмов адаптации, в том числе инициируемых процессом социализации, — взросление, упорядочение образа жизни, концентрация на жизненных целях, мобилизация внутренних резервов, возрастающая самостоятельность и др.

Субъективная оценка здоровья (СОЗ) студентами проводилась с целью оценки рефлексии по отношению к своему физическому здоровью. Оценка полученных результатов оценивалась по двум параметрам: сумме полученных баллов (утвердительные ответы-жалобы) и общей оценке по трем вариантам («хорошее», «удовлетворительное», «плохое»).

Несмотря на то, что оценка соматического здоровья девушек более благоприятна, чем юношей, девушки предъявляют больше жалоб, чем юноши, на протяжении всего периода обучения (50,6...73,1 % и 13,8...42,8 % соответственно, $p < 0,05$). Несмотря на жалобы на состояние здоровья, в целом студенты дают своему здоровью оценку «хорошее» и «удовлетворительное». Наиболее высокую оценку своему здоровью дают юноши на 2-м курсе: большинство (86,1 %) оценивают состояние здоровья как «хорошее». Девушки на младших курсах делятся примерно на равные группы, оценивающие свое здоровье как «хорошее» (42,8 %) и «удовлетворительное» (52,3 %), так же как и юноши после 2-го года обучения. Большинство девушек на старших курсах оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное» (от 61,9 до 73,2 %).

Полученные результаты имеют достоверные различия с объективной оценкой соматического здоровья (по экспресс-методике Г. Л. Апансенко). Несмотря на то, что примерно третья часть студентов имеет низкий уровень соматического здоровья, неудовлетворительно оценивают свое здоровье в среднем не более 3 % опрошенных. Следовательно, в своем большинстве студенты с низким уровнем здоровья расценивают свое здоровье как «удовлетворительное» и «хорошее». Особенно переоценивают состояние здоровья девушки на младших курсах. На старших курсах оценки состояния здоровья девушек с градациями «средний» и «ниже среднего» меньше расходятся с субъективной оценкой.

Это позволяет сделать вывод, что, несмотря на невысокий уровень рефлексии по отношению к своему физическому здоровью, наблюдается положительная тенденция, отражающая развитие рассматриваемой рефлексии студентов, видимо, связанная с процессом социализации, отражающим взросление. Тем не менее, мы считаем рефлексией студентов по отношению к своему здоровью недостаточной и детерминирующей неадекватное отношение к здоровому образу жизни.

Рефлексия является важным элементом оценки значимости индивидуального здоровья. Для рассматриваемой выборки эксплицированное неадекватное отношение к оценке своего здоровья имеет важное социальное значение, так как демонстрирует формирование ценностной мотивации к здоровью социальной группы, представляющей потенциал здоровья нации [2].

Таким образом, проведенное исследование показало, что образ жизни студентов имеет серьезные дефекты: нарушение режима дня и организации питания, употребление большинством студентов слабоалкогольных напитков, табакокурение. Обращает внимание высокая распространенность потребления алкоголя и курения среди девушек, практически не отличающаяся от таковой в когорте юношей ($p > 0,05$). С нашей точки зрения, во многом это обусловлено недооценкой молодежью значимости здорового образа жизни для здоровья и успешности социальной реализации. В то же время популярность в студенческой среде как среди юношей, так и среди девушек ($p > 0,05$), занятий в фитнес-клубах, может свидетельствовать о потенциальной эффективности пропаганды здорового образа жизни на макросоциальном коммуникативном уровне (телевидение, радио, пресса) через формирование в молодежной среде «социально полезной моды». Необходимы мероприятия психолого-педагогического сопровождения [1], направленные на формирование мотивации на сохранение здоровья как важного фактора обеспечения социальной дееспособности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Злотникова Л. М. Гендерные особенности формирования здорового образа жизни // Проблемы здорового образа жизни : материалы Международной науч. конф. СПб. : Кримас+, 2009. С. 37—39.

2. Доника А. Д. Профессиональный онтогенез: медико-социологические и психолого-этические проблемы врачебной деятельности. М. : Академия естествознания. 2009. С. 156—165.

1. Zolotnikova L. M. Gendernye osobennosti formirovaniya zdorovogo obraza zhizni // Problemy zdorovogo obraza zhizni : materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf. SPb. : Krismas+, 2009. S. 37—39.

2. Donika A. D. Professionalny ontogenez: mediko-sotsiologicheskie i psikhologo-eticheskie problemy vrachebnoy deyatelnosti. M. : Akademiya estestvoznaniya. 2009. S. 156—165.

© Доника А.Д., Мажаренко В.А., Чахоян А.О., 2011

Поступила в редакцию
в сентябре 2011 г.

УДК 338: 316

*Д. Б. Старовойтов***ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Освещается развитие и функционирование института социального предпринимательства как одного из двигателей социальных инноваций на урбанизированных территориях РФ, приобретающего актуальность в современных условиях развития рынка труда

Ключевые слова:

социальное предпринимательство, менеджмент, инновации, общественные организации (объединения), корпоративное социальное предпринимательство, венчурная филантропия.

*D. B. Starovoitov***DEVELOPMENT PROSPECTS
OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP
IN RUSSIAN FEDERATION**

The development and the functions of social entrepreneurship as the driving force of social innovation in Russia which is acquired relevance in the modern labor market is traversed.

Key words:

social entrepreneurship, management, innovations, social organizations (associations), corporate social entrepreneurship, venture philanthropy.

Об авторе:

Старовойтов Дмитрий Борисович – аспирант кафедры экономики социальной сферы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ) (495) 939-29-40

Starovoitov Dmitri Borisovich – Post-graduate Student of economy of social sphere department, Lomonosov Moscow State University

Становление справедливого гражданского общества в России предполагает активизацию вовлечения населения и, в первую очередь, молодых предпринимателей в работу социальной сферы. Необходимость в масштабных социальных инновациях является неоспоримой, и одним из эффективных инструментов по их проведению выступает институт социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство как деятельность, направленная на проведение в обществе положительных социальных преобразований, имеет долгую историю, однако лишь недавно оно привлекло к себе внимание зарубежных и российских исследователей. Как следствие, важными особенностями современных исследований в области социального предпринимательства являются отсутствие четких теоретических рамок и необходимость привлекать модели и методы анализа из иных дисциплин. Подобными дисциплинами в первую очередь выступают теория предпринимательства в сфере бизнеса, теория менеджмента и классическая экономическая теория в контексте исследований сферы услуг.

Под социальным предпринимательством на Западе на данный момент понимается «создающая социальную ценность инновационная деятельность, которая может возникать внутри или на стыке некоммерческого, коммерческого и государственного секторов» [1, с. 22]. Ключевыми в данном определении выступают слова «инновационный» и «создание социальной ценности». «Инновационность» в данном случае понимается как постоянное стремление к предоставлению новационных услуг в составе все более эффективных бизнес-моделей. «Создание социальной ценности» значит достижение объективных положительных социальных преобразований в строго определенной части социума, то есть улучшение качества жизни группы индивидов, имеющих общую проблему или спектр проблем, которую социальный предприниматель обязуется решить в рамках своей деятельности. Личность социального предпринимателя является важной в зарубежной теории, и в данной статье она определена просто как «индивид, создавший социальное предприятие либо осуществляющий управление им».

Как следует из данного определения, организационная и правовая форма предприятия не важны для отнесения к институту социального предпринимательства. Иными словами, социальные предприятия могут быть как коммерческими, так и некоммерческими, важным является лишь необходимость проведения положительных социальных преобразований. Однако за весь период развития западной теории социального предпринимательства данный вопрос, наряду с вопросом о том, насколько деятельность по получению прибыли согласовывается с социально полезной деятельностью, оставался спорными. По этой причине предлагается следующее решение данных проблем, подкрепляемое западным анализом [1, с. 23, 24]: получение прибыли и социальные преобразования являются одинаково важными для предпринимателя вне зависимости от формы финансирования его предприятия. Подобными формами могут быть, соответственно, полная самофинансируемость, частичная самофинансируемость и полная зависимость от внешнего источника финансирования.

Важным является факт того, что и предприятия, осуществляющие финансовую поддержку социальных предприятий, и сами социальные предприятия являются элементами института в целом. То есть, к примеру, фонд или филантроп, дающие займы или осуществляющие благотворительность, занимаются социальным предпринимательством в той же мере, что и малые предприятия, получающие от них поддержку.

Вследствие сосредоточенности внимания социального предпринимательства на проблемах, лежащих традиционно в рамках методологии исследований в социальной сфере, можно утверждать о практически полном нахождении института в составе сферы услуг, конкретно отраслей здравоохранения, культуры, ЖКХ и спорта. Также стоит отметить, что развитие института будет осуществляться в России в первую очередь в городах силами социально активных молодых предпринимателей по причине простоты выделения проблемных слоев населения и потенциально более эффективной муниципальной поддержки (административной и финансовой).

Первой и основной функцией социального предпринимательства является уменьшение «провалов» в общественном секторе силами малого бизнеса и донорских организаций. К примеру, среди пенсионеров города Волгограда (55 и более лет) уровень полной неудовлетворенности медицинским обслуживанием своим районным медицинским учреждением составляет в среднем 37 % [2]. Таким образом, с точки зрения социального предпринимателя есть наличие объективной потребности среди конкретной группы населения в отдельном регионе. Соответственно, целесообразно создание предприятия (либо их сети, работающей в нескольких районах сразу) при поддержке государства, местных органов власти либо фондовой организации, оказывающего низкотехнологичные медицинские услуги пенсионерам в отдельном регионе города. В данном примере важно отметить, что подобное предприятие, дабы получить статус социального, должно быть некоммерческим и предоставлять услуги на безвозмездной основе по причине природы общественного сектора, «провал» которой она призвана замещать. Для сравнения, предоставление услуг ЖКХ или спорта в рамках социального предпринимательства может осуществляться через создание коммерческой организации; важно лишь предоставление лучших условий по получению услуги (и ее качества), нежели в элементе общественного сектора.

Далее, обращаясь к конкретному рассмотрению практических сторон развития социального предпринимательства в России, стоит определить конкретные группы предприятий, которые на данный момент можно назвать социальными предприятиями («социальным бизнесом») как с правовой точки зрения, так и с точки зрения наиболее широко применяемых бизнес-моделей.

По причине того, что коммерческие социальные предприятия на практике вряд ли могут стать достаточным фундаментом для становления института социального предпринимательства в его западном понимании, а также из-за преобладания некоммерческого сектора в российском социальном предпринимательстве, принятая в данной статье базовая классификация социальных предприятий будет исходить из принципа правового оформления [3]:

1. *Потребительские кооперативы*. В правовых рамках потребительского кооператива наиболее релевантен в отношении социального предпринимательства институт кредитной кооперации. Подобные социальные кооперативы и их объединения классифицируются как самофинансируемые социальные предприятия, т. е. финансируемые полностью за счет собственной предпринимательской деятельности. По определению потребительского кооператива, деятельность подобной компании направлена только на выдачу микрокредитов своим участникам. Основная отличительная особенность российских кредитных кооперативов состоит в механизме финансирования (строго самофинансирование, закрепленное законодательно), а также в преобладании потребительского кредита над предпринимательским по общему числу выданных займов. Это вызвано прежде всего контингентом пайщиков кредитных кооперативов, а именно преобладанием пенсионеров-пайщиков, использующих организацию как сберегательный институт и не берущих займов.

Дополнительно нужно отметить, что в России социальное предпринимательство в рамках системы микрокредитования на данный момент может развиваться, лишь имея в своей основе инициативу конкретного банка или группы банков, способных в процессе выдачи кредитов произвести разумную выборку среди предпринимателей на предмет того, насколько их деятельность будет создавать социальную ценность. Иными словами, подобный банк должен оценивать бизнес-планы новых предпринимателей в рамках соответствия их содержания теории социального предпринимательства.

2. *Общественные и религиозные организации (объединения)*. Из-за специфики устройства общественных организаций и выраженной устремленности всех соучастников к достижению конкретной цели данный институт в Российской Федерации можно назвать наиболее идеологически близким к социальному предпринимательству как концепции, а потому он может служить эффективным фундаментом для развития социального предпринимательства в стране, несмотря на отсутствие инициатив по его развитию со стороны как фондов, так и государства. Этот вывод можно сделать исходя из того, что общественные организации всегда стремятся к созданию конкретной социальной ценности (через цели организации, прописанные в уставе). В центре концепции социального предпринимательства всегда находится именно список необходимых квалификаций инициатора, в которые входит и природа его мотивации. Из всего этого можно сделать вывод о том, что развитие общественных организаций как социальных предприятий требует или колоссальной информационной поддержки извне (предоставляемой, потенциально, фондовыми организациями) или привлечения сотрудников.

3. *Фонды и частные учреждения.* Здесь можно выделить фонды, работающие на коммерческой или благотворительной основе и осуществляющие распределение донорских средств тем или иным методом прочим социальным предприятиям (корпорации, практикующие корпоративное социальное предпринимательство) или являющиеся донорами, а также малые и средние коммерческие предприятия, производящие положительные преобразования в обществе и не подпадающие под другие модели социального предпринимательства. Российские корпорации практически игнорируют необходимость проведения активных социальных преобразований в обществе (не осознавая потенциальную опасность снижения привлекательности своего присутствия на рынке с точки зрения потребителей), а потому ограничиваются по большей части донорской деятельностью.

Как вывод можно констатировать наличие уже устоявшегося фундамента, необходимого для становления и дальнейшего развития социального предпринимательства в некоммерческом секторе. Однако важно также наличие стремления к достижению самофинансируемости, тогда как большинство некоммерческих предприятий (и среди них социальных) функционируют на благотворительной или грантовой основе [4]. Стоит сделать оговорку, что каждая некоммерческая организация при организации собственной предпринимательской деятельности должна учитывать, способствуют ли ее результаты достижению прописанных в собственных уставных документах целей и задач (к примеру, общественная организация инвалидов может производить коляски либо оказывать низкотехнологичные реабилитационные услуги).

Также необходимо обозначить основные рекомендуемые механизмы дальнейшего развития социального предпринимательства в России. Основой данных механизмов могут стать дальнейшая популяризация данного института специализированными фондами и образовательными учреждениями, развитие механизма микрокредитования (прежде всего через партнерство государства, банков и негосударственных фондов), развитие грантодающей деятельности фондовыми организациями, а также адаптация зарубежных бизнес-моделей к российским условиям. Из последних целесообразно выделить такие, как корпоративное социальное предпринимательство и венчурная филантропия.

Институт венчурной филантропии [5] — одно из наиболее широко обсуждаемых явлений в рамках социального предпринимательства, определяемое как будущее социального предпринимательства в целом. Характеризуется следующими свойствами [1, с. 67]: некоммерческая организация (хотя данный критерий не является обязательным); конкурсный механизм поиска грантополучателей; установление тесных связей со своими партнерами (донорами, предприятиями, социальными предпринимателями); долгосрочное сотрудничество с социальными предприятиями (на 2—7 лет) с последующим выходом из финансирования; нефинансовое участие в работе социального предприятия: различные консультационные услуги, в том числе и рекомендации по поиску иных доноров и партнеров; ориентированность на долгосрочное устойчивое развитие организации-грантополучателя (хотя венчурный филантроп может предоставлять и займы, особенно на этапе «мезаниновых» (на этапе начального развития) инвестиций и далее), а не на выполнение конкретных целевых программ; высокая вовлеченность доноров в финансируемые ими компании — некоторые находятся в советах директоров или даже

управляют ими напрямую. Из данных характеристик общей для предприятий венчурной филантропии и обычных фондовых организаций является лишь конкурсная природа механизма поиска грантополучателей (все прочие характеристики уникальны для института венчурной филантропии). Эффективность венчурной филантропии состоит именно в долгосрочном сотрудничестве между инвестором (грантодающей компанией) и организацией (грантополучателем), значительно увеличивающем выживаемость новых социальных предприятий.

Концепция института корпоративного социального предпринимательства [5] родилась на основе слияния понятий социального и корпоративного предпринимательства (причем обе концепции развивались одновременно и наиболее быстро в 1990-е и начале 2000-х гг.). Корпоративное предпринимательство есть процесс применения инноваций, направленный на возрождение или реструктуризацию организаций, рынков и индустрий с целью создания и поддержания конкурентного преимущества. Устоявшееся определение подобной концепции выглядит следующим образом: корпоративное социальное предпринимательство (КСП) [1, с. 29, 59] есть расширение границ компетенций компании и сферы доступных ей возможностей путем перераспределения ресурсов, как находящихся под прямым контролем компании, так и вне его, направленное на одновременное создание экономической и социальной ценности. Один из менее четко определенных аспектов социального предпринимательства, а именно противоречие между получением прибыли и достижением социальных преобразований, находит более четкое отражение в корпоративном социальном предпринимательстве: обе цели всегда важны для корпорации (хотя и не в одинаковой степени, что зависит от конкретных случаев). На практике это обычно предполагает убыточность подразделений, осуществляющих социально полезную деятельность просто по причине наличия достаточных свободных средств у корпорации. Данное определение описывает, по сути, механизм расширения деятельности крупной коммерческой организации (через открытие новых департаментов или структурные преобразования в существующих) с целью постоянного увеличения масштаба производимых социальных изменений. Концепция в целом представляет собой расширение классической «донорской» системы инвестиций корпораций в социальную сферу экономики. В целом институт корпоративного социального предпринимательства не может послужить стартом для массового развития социального предпринимательства, но может составить его основу в последующие периоды, при дальнейшем росте числа социальных предприятий по всей стране и увеличении доверия населения к социально полезной деятельности корпораций. Однако идеальной для России может стать ситуация, в которой корпорации побуждаются внутренними лидерами (корпоративными социальными предпринимателями) к созданию конкретных организационных структур (в формате интегрированного в деятельность корпорации или внешнего социального предприятия), проводящих деятельность, направленную на одновременное достижение социальной и экономической ценности.

Если же абстрагироваться от институциональных аспектов социального предпринимательства, то основным направлением для анализа является личность социального предпринимателя с точки зрения ее роли в организации, а также необходимых для ее эффективной работы компетенций. В общем слу-

чае социальный предприниматель должен иметь следующие наиболее важные компетенции: [6] способность к трансформационному лидерству (определяемое как подход к лидерству, вызывающий изменения в людях и социальных системах); способность к консолидации ресурсов (через взаимоотношения со стейкхолдерами, спонсорскую и благотворительную деятельность и т. п.); построение команды (через создание единой цели, сопряженной с социальной миссией, а также развитие сотрудничества внутри компании); управление изменениями (преодоление препятствий, определение очагов противодействия как внутри, так и вне компании). В дополнение к названным компетенциям социальный предприниматель должен обладать волей работать в первую очередь ради чужих интересов в рамках выбранной социальной миссии (хотя это не исключает наличия нормальных предпринимательских целей как вторичных для социального предпринимателя). Для того чтобы в России институт социального предпринимательства получил необходимые для его развития кадры, требуется наличие у последних как необходимых компетенций, так и желания фактически помогать конкретным группам населения. Подобные направления анализа полезны для России прежде всего в контексте модификации работы институтов, на данный момент пытающихся способствовать развитию социального предпринимательства (включая государство и отдельные негосударственные фонды) именно с позиции обучения нового социального пласта социальных предпринимателей. Подобное обучение возможно посредством следующих институтов: курсов в рамках высшей школы, пропаганды со стороны государства, а также популяризации в бизнес-среде. Как было отмечено ранее, подобный процесс в России потенциально возможен лишь в развитых городах и при инициативе со стороны государства или влиятельных фондов.

В заключение можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в России уже существует достаточная база для адаптации полноценной модели социального предпринимательства в экономическую и социальную среды страны, в лице фондов, кредитных кооперативов и общественных организаций в составе городской инфраструктуры.

Во-вторых, из-за низкой популярности концепции в правительственных, академических и предпринимательских кругах ограничивается развитие институтов социального предпринимательства, поскольку не происходит ассимиляции зарубежной практики и собственных теоретических изысканий.

В-третьих, дальнейшее развитие требует в первую очередь наличия инициатив в рамках отдельных институтов (государство, фондовые организации, высшая школа), направленных на адаптацию наиболее эффективных зарубежных бизнес-моделей к своей деятельности с учетом отечественной рыночной специфики. Иными словами, перспективы развития социального предпринимательства в России на данный момент можно назвать высокими с учетом разработки и развития инициатив, направленных на его развитие.

И наконец, в-четвертых, социальное предпринимательство может стать фундаментом для развития особого сегмента сферы услуг, направленного на устранение недостатков в общественном секторе лишь при поддержке молодого инициативного населения, особенно в индустриально развитых районах. Однако подобные люди могут появиться лишь при поддержке государства и высшей школы, и теория и ценности социального предпринимательства имеют потенциал стать одними из лучших инструментов по их воспитанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Mair, J., Robinson, J., Hockerts, K.* Social Entrepreneurship Palgrave: Palgrave Macmillan. 2006.
 2. *Бирюков С. А., Кокорина Л. В., Шкарин В. В.* Муниципальное здравоохранение в зеркале статистики и оценках пациентов // Социология города. 2009. № 1(2). С. 9.
 3. О некоммерческих организациях : федер. закон РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ.
 4. *Nicholls A.* Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change Oxford: Oxford University press, 2008. P. 76—78.
 5. *Alter K.* Social Enterprise Typology (<http://www.4lenses.org/setypology/>)
 6. London, M., Morfopoulos, R.,G. (2009) Social entrepreneurship: How to start successful corporate social responsibility and community-based initiatives for advocacy and change. London: Routledge, 2009. P. 60—65.
-
1. *Mair, J., Robinson, J., Hockerts, K.* Social Entrepreneurship Palgrave: Palgrave Macmillan. 2006.
 2. *Biryukov S. A., Kokorina L. V., Shkarin V. V.* Munitsipalnoe zdavookhranenie v zerkale statistiki i otsenkakh patsientov // Sotsiologiya goroda. 2009. № 1(2). S. 9.
 3. O nekommercheskikh organizatsiyakh : feder. zakon RF ot 12.01.1996 № 7-FZ.
 4. *Nicholls A.* Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change Oxford: Oxford University press, 2008. P. 76—78.
 5. *Alter K.* Social Enterprise Typology (<http://www.4lenses.org/setypology/>)
 6. London, M., Morfopoulos, R.,G. (2009) Social entrepreneurship: How to start successful corporate social responsibility and community-based initiatives for advocacy and change. London: Routledge, 2009. P. 60—65.

© Старовойтов Д.Б., 2011

Поступила в редакцию
в декабре 2011 г.

УДК 502.15 : 711.4

**А. А. Воробьев,
Р. В. Мяконький****БРОДЯЧИЕ ЖИВОТНЫЕ —
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
КРУПНОГО ГОРОДА**

Произведена оценка общественного мнения о проблеме бродячих животных, а также существующих на сегодняшний день методов коррекции их популяции. Рассмотрены причины роста популяции беспризорных животных. Выявлена неблагоприятная эндоэкологическая обстановка по бездомным животным и необходимость системного подхода к решению этой проблемы. Предложен способ стабилизации популяции бездомных животных, который может быть реализован силами волонтерских студенческих патрулей медицинских, ветеринарных и сельскохозяйственных вузов.

Ключевые слова:эндоэкология,
экология города.**A. A. Vorobev,
R. V. Myakonki****STRAY ANIMALS —
TOPICAL ISSUES BIG CITIES**

The estimation of public opinion concerning stray animals and also methods of correction of their composite existing for today is made. The reasons of growth of quantity of waifs and strays are considered. The negative endoecological situation about the stray pets and the need of system approach to the decision of this issue is subsisted. The method of composite stabilization of stay pets which can be consummated by help of volunteer student's patrols of medical, veterinary and agricultural university is demanded.

Key words:endoecological,
urban ecology.

На первый взгляд бродячие животные и социально адаптированные люди — две абсолютно непересекающиеся популяции. Но поскольку они находятся в одном ареале обитания, так или иначе взаимодействие неминуемо. В настоящее время весьма острой медико-социальной проблемой является полное отсутствие контроля за популяцией бездомных животных. Подсчитано, что за 6 лет пара собак, с учетом потомства, может произвести на свет популяцию в 67 000 особей, а пара кошек — в 420 000 особей.

Как правило, увеличение количества бездомных животных неизбежно приводит к росту их агрессивности в борьбе за территорию, пищу и половых партнеров. Сбиваясь в стаи, бродячие собаки все чаще и чаще совершают нападение на человека. Как это ни печально признавать, но в кольцо собачьей своры в любой момент может оказаться каждый из нас. Как следствие, назрела необходимость разработки и внедрения мер по снижению и стабилизации количества бездомных животных в крупных городах.

По данным доступной литературы, частота укушенных ран среди всех травматических повреждений составляет от 1 до 7 %. На первом месте по частоте встречаемости продолжают оставаться укусы собак, за ними следуют раны, нанесенные кошками [1]. Укушенные раны потенциально опасны развитием бешенства. До сих пор единственным средством помощи людям, подвергшимся риску инфицирования бешенством, является своевременное введение антирабического иммуноглобулина и назначение курса иммунизации. Наравне с этим настоящим бичом являются гнойно-септические осложнения укушенных ран, что требует создания эффективного алгоритма оказания помощи пациентам с укушенными ранами.

В данной статье мы попытались на примере Волгоградского региона оценить общественное мнение в отношении бродячих животных и изучить эпидемиологию укушенных ран в Волгограде.

Нами был проведен контент-анализ периодических статей в печатных средствах массовой информации (СМИ) и в сети Интернет. Для нас как хирургов особый интерес представляло изучение ситуации по ранам, нанесенным животны-

ми. С этой целью проведен ретроспективный анализ медицинской документации 151 пациента с укушенными ранами различной локализации и степени тяжести, обратившихся в лечебные учреждения города в зимне-весенний период. Возраст пострадавших составил от 15 до 78 лет.

Отметим, что существование проблемы нападения животных на человека в условиях крупного города подтверждается не только медицинской статистикой, но и результатами контент-анализа периодических статей в печатных средствах массовой информации и в сети Интернет. При введении запроса в наиболее популярной среди пользователей поисковой системе «Яндекс» мы получаем следующие результаты запросов за месяц: «нападение собак» — 1970, «нападение собак на человека» — 593, «нападение собак на ребенка» — 58, «нападение собак на людей» — 158, «укушенные раны» — 569. При этом указанные формулировки запросов сопровождаются более 18 000 картинок и около 200 видео.

В условиях крупного города человек часто становится жертвой нападения как диких, так и домашних животных. Волгоград, будучи городом-миллионником, не является исключением. Мы обратились к анализу данных ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Волгоградской области» и установили, что в период с 2005 по 2009 гг. укусам собак подверглись 16 685 человек в Волгограде и 25 046 — в районах Волгоградской области (табл. 1).

Полученные результаты свидетельствуют о высокой частоте встречаемости укушенных ран среди населения региона без тенденции к снижению на протяжении нескольких лет.

В настоящий момент в России вообще и в регионе в частности отсутствует стройная система регуляции количества бездомных животных и эффективные меры снижения популяции бродячих собак и кошек.

Укусы отмечаются на протяжении всего года, но пик частоты приходится на период с июня по сентябрь. По данным местных СМИ, укусы бродячих животных стали привычным делом. В целом, за год жертвами беспризорных и домашних собак и кошек становятся до 10 000 вол-

Об авторах:

Воробьев Александр Александрович — президент Всероссийской ассоциации клинических анатомов доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), cos@volgmed.ru

Vorobev Alexandr Alexandrovich — president of Russian Association of Clinical Anatomists, Doctor of Medical Sciences, Professor, Department Chairman of operative surgery and regional anatomy, Volgograd State Medical University (VSMU)

Мяконький Роман Викторович — ассистент кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), mrv-komissar@mail.ru

Myakonki Roman Viktorovich — Assistant of operative surgery and regional anatomy department, Volgograd State Medical University (VSMU)

гоградцев и жителей области. И это только «вершина айсберга», представленная официальной статистикой, базирующейся на учете обращаемости за медицинской помощью. Как правило, до 80 % укушенных получают незначительные повреждения и не обращаются за медицинской помощью, занимаясь самолечением.

Таблица 1

Количество обратившихся по поводу укушенных ран в ЛПУ Волгограда и Волгоградской области с 2005 по 2009 гг.

2005		2006		2007		2008		2009		Итого
Город	Область									
3563	4958	3345	4673	2919	4851	3438	5582	3420	4982	41731
8521		8018		7770		9020		8402		

В основном отловом бродячих собак эпизодически занимаются имеющие лицензию частные фирмы, готовые освоить бюджетные средства. Однако известны случаи самостоятельного незаконного, в том числе жестокого, регулирования численности бездомных животных гражданами с помощью оружия, отравляющих веществ, замуровывания в подвалах жилых домов и т. п. Указанные способы снижения популяции бродячих животных являются, безусловно, антигуманными и способны причинить серьезную психологическую травму очевидцам.

Опрос по поводу травли бродячих собак выявил: 25 % респондентов оправдали отстрел животных; 11 % категорически против применяемых методов; 64 % опрошенных считают, что необходимо избавлять горожан от бездомных животных, но с помощью стерилизации или спецприютов.

Ретроспективный анализ медицинской документации пациентов с укушенными ранами различной локализации и степени тяжести, обратившихся в лечебные учреждения города в период с января по май 2011 г., показал, что среди укушенных женщины составили 72, мужчины 79 человек (табл. 2). Основная масса повреждений была нанесена собаками — 87 случаев: неизвестными животными — 81, домашними — 6. Укусы кошками имели место в 62 случаях: домашними — 52, неизвестными — 10.

Таблица 2

Градации пациентов по возрасту и полу

Возраст	15—20	21—30	31—40	41—50	51—60	61—70	71—80	Всего
Мужчины	12	24	18	14	6	4	1	79
Женщины	8	12	10	5	24	12	1	72
Всего	20	36	28	19	30	16	2	151

При анализе полученных данных было выявлено, что основной локализацией укусов являются конечности, причем собаки чаще кусают за нижние конечности, а кошки за кисть. Подавляющее большинство укусов кошек спровоцировано самими пострадавшими и нанесено домашними животными. В 96,4 % случаев укусы кошек являлись множественными, по типу прерыви-

стой линии или точечные. Данное повреждение встречается у женщин в 77,6 % случаев. До 98,4 % раны, нанесенные кошками, при позднем обращении имеют гнойно-септические осложнения.

Укусы собак, как правило, являются рвано-ушибленными. Чаще всего собаки кусают мужчин — 87,2 % случаев. Локализуются укусы собак чаще на голени — 54,2 % случаев.

Степень и тяжесть укушенных ран достаточно широко варьирует, занимая значительное место среди заболеваний, приводящих к временной или стойкой потере трудоспособности. Незначительные на первый взгляд повреждения, нанесенные зубами животного, на самом деле инфицированы микрофлорой из полости рта и микроорганизмами с поверхности кожи и из окружающей среды, что нередко приводит к развитию гнойно-септических осложнений. Кроме того, нельзя забывать о риске инфицирования возбудителем бешенства, которое на сегодняшний день продолжает оставаться неизлечимым заболеванием. Нужно отметить, механические повреждения тела — это всего лишь 30 % проблемы, а 70 % — это психологическая сторона травмы, от которой люди восстанавливаются годами.

То, что численность бездомных животных в городах необходимо сокращать, не вызывает никакого возражения ни со стороны защитников животных, ни со стороны поборников санитарной гигиены и безопасности горожан. Антинаучная практика убийства животных лишь усугубляет проблему. Недвусмысленным доказательством бессмысленности действий служб отлова является тот факт, что за всю свою кровавую историю они нисколько не изменили ситуацию с численностью бездомных животных в городах.

Задавшись целью сократить численность бродячих животных в городе, необходимо отчетливо понимать, что речь идет не о борьбе с отдельными особями, а о противостоянии целостной экологической системе — популяции животных. Популяция — это живой саморегулирующийся организм, на порядок более сложный, чем отдельная особь. Она существует по своим законам и незримо управляет поведением каждого отдельного животного. Основной закон популяции: численность особей в популяции на определенной территории остается неизменной и определяется лишь тем, скольких особей может прокормить данная территория. Животные держатся своей территории и активно сопротивляются появлению чужаков. Гибель отдельных особей включает сложные механизмы восстановления численности популяции: повышение рождаемости, миграцию особей с соседних территорий, усиление агрессивности.

На наш взгляд, и это мнение разделяют специалисты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), эффективным средством упорядочения и взятия под контроль численности животных в городе может явиться проведение массовой стерилизации и вакцинации бездомных животных против бешенства.

В 2011 г. сотрудниками кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии ВолгГМУ были поданы документы на получение гранта по аналогичной тематике, однако конкурсная комиссия недооценила актуальность существующей проблемы и значимость предлагаемых мер регулирования популяции бездомных животных и оптимизации методов лечения укушенных ран.

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают крайне неблагоприятную эндоэкологическую обстановку по бездомным животным и

социальную актуальность проблемы укушенных ран в Волгоградском регионе. Несмотря на очевидную актуальность вопроса в целом по России и, в частности, в нашем регионе, отсутствуют единые нормативные акты, касающиеся данной проблемы. Существует настоятельная необходимость системного подхода к решению проблемы. Для этого необходимо предусмотреть и провести целый комплекс управленческих, экономических и правовых мероприятий: борьба со свалками; запрет отлова безнадзорных и бесхозных собак с целью их уничтожения; введение в городе альтернативной стратегии регулирования численности безнадзорных и бесхозных собак посредством их массовой стерилизации (кастрации) с последующим возвращением в места прежнего обитания; размещение в приютах агрессивных животных; создание благоприятного экономического климата и оказание поддержки организациям и предприятиям любой организационно-правовой формы, желающим участвовать в подобных мероприятиях. Только при таких условиях возможно кардинально изменить неблагоприятную для жизни городского человека эндоэкологическую обстановку.

Сложившаяся медико-социальная ситуация требует активного привлечения студентов медицинских, ветеринарных и сельскохозяйственных вузов к участию в добровольных акциях, направленных на снижение популяции бродячих собак и кошек. При кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии ВолГМУ созданы и эффективно работают волонтерские студенческие патрули, которые осуществляют отлов бродячих животных (собак и кошек), выполняют их хирургическую кастрацию и возвращение животных в прежнюю среду обитания.

Для повышения качества оказания медицинской помощи пациентам с укушенными ранами, уменьшения сроков нетрудоспособности является актуальным создание, апробация и внедрение алгоритмов хирургического ведения укушенных ран.

Альтернативный способ решения проблемы, не требующий привлечения значительных бюджетных средств, — расширение деятельности волонтерских студенческих патрулей и повышение эффективности мер, направленных на стабилизацию популяции беспризорных животных. Для этого достаточно минимума финансовых ассигнований, в рамках гранта, необходимых для обеспечения расходных материалов и средств на содержание животных в раннем послеоперационном периоде. Имея достаточный опыт работы, наша кафедра готова включиться в работу по улучшению эндоэкологии Волгограда, а также стать методическим и координационным центром по вопросам стерилизации и вакцинации бродячих собак и кошек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковлева Л. М. Укушенные раны: особенности клинического течения и хирургической тактики : автореф. дис... канд. мед. наук. Саратов, 2005. 23 с.

1. Yakovleva L. M. Ukushennyye rany: osobennosti klinicheskogo techeniya i khirurgicheskoy taktiki : avtoref. diss... kand. med. nauk. Саратов, 2005. 23 s.

© Воробьев А.А., Мяконький Р.В., 2011

Поступила в редакцию
в октябре 2011 г.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/ld-blank.pdf> 2) анкеты автора (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/pdsog.pdf>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРАНСЛИТЕРИРУЮТСЯ (пишутся латинскими буквами). Например: *Fedorov I.B. Problemy vysshego inzhenerного obrazovaniya v Rossii. M. : Znaniye, 2005. S. 13—15.* (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). Инструкцию по транслитерации можно скачать здесь <http://vgasu.ru/attachments/translit.pdf>. ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

АВТОРАМ

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об **условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: info@vgasu.ru** (в теме указать: **для Б.А. Навроцкого**).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2011. № 4

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Переводчик *Н.И. Копина*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 29.12.2011.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 4,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 500 экз. Заказ № 68

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1